

Диверсанты Его Величества

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

«Рука бойцов
колоть устала»

Сергей ШКЕНЁВ

Штрафбат Его Императорского Величества

Сергей Шкенёв

**Диверсанты Его Величества.
«Рука бойцов колоть устала...»**

«Махров»

2013

Шкенёв С. Н.

Диверсанты Его Величества. «Рука бойцов колоть устала...»
/ С. Н. Шкенёв — «Махров», 2013 — (Штрафбат Его
Императорского Величества)

Если ты перенесся с Великой Отечественной на полтора столетия назад, оказавшись в теле императора Павла I, если тебе удалось подавить дворцовый переворот и усидеть на российском престоле, – будь готов воевать сразу на два фронта, против Британии и Наполеона, и не дай застать себя врасплох! Но «попаданец», переживший трагедию 22 июня, не допустит ее повторения в прошлом! В кои-то веки Россия готова к войне: армия перевооружена и реорганизована, западные губернии заранее эвакуированы, элитные разведывательно-диверсионные подразделения, обученные по образцу советского осназа, с первых дней вторжения развязывают против Бонапарта полномасштабную партизанскую войну, наши снайперы отстреливают офицеров противника как собак, а парашютные десанты с воздушных шаров наводят ужас на вражеские тылы. Русские диверсанты против наполеоновской гвардии! Царский спецназ против французских оккупантов! «Попаданец» из будущего против военного гения Бонапарта!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Николаевич Шкенёв

Диверсанты Его Величества.

«Рука бойцов колоть устала...»

Глава 1

– И как же это понимать? – Отец Михаил, священник храма Преображения Господня в деревне Федяково, неодобрительно покачал головой и задал новый вопрос: – Доченька, да девичье ли это дело – с пистолетами возиться?

Младшая поповна, отцова любимица, так похожая на покойную мать, смутилась и вытерла нос перепачканной маслом ладонью:

– Так ведь почистить... – На тряпице перед ней разложены детали многозарядного пистолета. – Только не помню, как его обратно собирать.

– Горюшко ты мое. – Широкая ладонь, вся в твердых мозолях от плуга и сабельной рукояти, ласково опустилась дочери на голову. – Подвинься.

Руки привычно делали свое дело, а мысли унеслись куда-то вдаль. Да и привычка эта... Мог ли пять лет назад простой деревенский священник подумать о том, что будет сидеть вот так за столом и собирать положенное по сану оружие? Да, немало воды утекло с тех пор, как император Павел Петрович издал свой знаменитый указ, в простонародье называемый «Указ о добре с кулаками». А сколько уже прошло? Летом третьего года вышел... ага, на Троицу как раз четыре года будет.

Поначалу-то тяжело было, а потом ничего, привык. Даже почетную грамоту от Священного синода получил как лучший стрелок Нижегородской епархии. И пистолет наградной с серебряной табличкой. Редкость величайшая – такими, говорят, только Красную гвардию и войска госбезопасности вооружили. У остальных попроще, сам видел.

Где видел? Да в армии, где же еще. Положено два месяца в году солдатскую ляжку тянуть, так будь любезен, смени рясу на пятнистый мундир и неси Слово Божие служивым людям. Или, ежели так повезет, бунтующим нехристям на западных границах.

Ходят слухи, что император скоро тоже вступит в войну, вот уже три года идущую в Европе, но отец Михаил в те слухи не верит. Не таков государь Павел Петрович, чтобы ввязываться в бессмысленные свары, не приносящие прибыли. Если прибыль есть, тогда да, смысл появляется... Но все равно война под сомнением.

С едва слышным шелчком встала на место последняя деталь, и священник привычным движением засунул пистолет в поясную кобуру. Пора идти.

– Не забудь про масло – после собрания заготовитель по домам пойдет.

– С вечера все заготовили, батюшка, – откликнулась дочь. – А что нынче за него давать будут?

– Деньгами.

– Плохо.

Можно понять огорчение младшей поповны – в прошлый раз заготовитель рассчитывался особыми карточками, на которые в лавках торгового дома «Князь Гагарин и сыновья» можно было взять товаров производства императорских заводов. Хотя и ехать за ними в Нижний Новгород аж за двадцать верст, а нигде больше не купишь керосина к лампе, духов хороших или новых иголок к чудо-машине, что шьет сама, едва стоит нажать ногой на качающуюся педаль. Да мало ли других приятных и полезных диковинок?

– Все, Настенька, пошел я. – Священник перекрестился на красный угол, где под иконами и поясным портретом императора теплилась собственноручно сделанная из половинки бомбического ядра лампада. – И урок выучить не забудь, чтоб мне перед их благородием снова краснеть не пришлось.

Это намек на позавчерашний конфуз, когда на годовых испытаниях в школе Настя от волнения забыла почти всю таблицу умножения и директор был вынужден назначить повторный экзамен через неделю. А отцу Михаилу сделал выговор. Что-что, а ругаться отставной лейтенант Федяков, уволенный из полка по тяжелому ранению, умел превосходно.

– Выучу, батюшка! – крикнула поповна вслед отцу сквозь закрывшуюся дверь и потянулась к учебникам.

А священник шагал по широкой деревенской улице, перепрыгивал через непросохшие после вчерашней грозы лужи и морщился, когда разлетающиеся из-под сапог грязные брызги попадали на новую рясу. Нет, никак не получается убедить вечно скупердяйничавших местных мужиков скинуться и покрыть дорогу гудронной смесью изобретения господ Кручинина и Вершинина. Ладно, еще уговорил засыпать самые глубокие колдобины крупным щебнем. В прошлые годы, бывало, в них телеги чуть не тонули.

– Здрав будь, батюшка! – Догнавшего отца Михаила человека никак нельзя назвать мужиком, хотя нынче он и пребывал в постоянном сельском жительстве. – Как здоровье Марьи Михайловны?

– Да ничего, слава богу, – улыбнулся попутчику священник. – А чего же не заходишь, Федор Саввич? Сам бы и узнал.

У того рука сама непроизвольно дернулась к лицу, где на скуле желтел след почти сошедшего синяка.

– Зайду как-нибудь, ежели сковородки попрячете.

Вот ведь напасть! И чем пригожий молодец не угодил старшей дочери? Ведь семнадцать стукнуло – еще немного, и перестарок. А Федор Саввич и собой пригож, и летами молод, и хозяин справный. Он одних только свиней сдает в заготовительный комиссариат по полторы сотни за сезон. Земельный надел еще немалый, положенный отслужившему в армии вольному хлебопашцу. А что ногу чуть приволакивает, так в том нужно винить не его, а злую шведскую пулю в финляндском походе. Зато на груди знак военного ордена, дающий право детям героя учиться в Суворовском училище, а там и дворянство получить. Какого же хрена Машке еще надобно?

Федор Саввич в надраенных до синих искр сапогах, по торжественному случаю в мундире с погонами Второго Егерского полка, только нашивки младшего сержанта по отставному серебряные, а не золотые. И тоже кобура на поясе, откуда торчит рукоять барабанного пистоля, на иноземный манер именуемого «револьвером». Нет, в лепешку расшибиться, а такого зятя не упустить. Грешно упускать, право слово.

Так, неторопливо беседуя, дошли до церкви, перед которой на площади уже начал скапливаться народ. Вот тут везде гудронной смесью залито, ни единой лужицы. Это Юрий Сергеич Федяков постарался, нынешний помещик и директор школы. Традиции блюдет – храм-то его дедом построен, отец колокола на колокольню аж из самой Москвы выписывал, а внуку, значит, о благоустройстве заботиться.

Вот, кстати, и он сам. Стоит, опираясь на костыль, и хмурится, выслушивая оправдывающегося в чем-то управляющего.

– Мое почтение, Юрий Сергеевич!

– Отец Михаил, безмерно рад вас видеть! – благожелательно откликнулся помещик и рявкнул на управляющего: – Прочь с глаз моих, мерзавец!

Того как ветром сдуло, и батюшка усмехнулся:

- Сурово!
- Иначе нельзя. Представляете, этот недоумок уговаривает взять на себя повышенные обязательства и втрое увеличить посевы яровой пшеницы!
- Я бы не стал, – скромно заметил остановившийся чуть в стороне Федор Саввич. – По нашим климатам рожь куда как урожайнее выйдет.
- Справедливо замечено, господин сержант, – кивнул помещик. – Здравствуйте, кстати.
- Здравия желаю, ваше благородие! Не посмел первым...
- Полноте, братец. Уж не нам, понюхавшим порошу и с лихвой хлебнувшим горячего, чиниться, подобно провинциальным купчихам.
- Привычка со службы.
- Оно похвально, но мы же в отставке. Так что там про рожь, господин сержант?
- Как вам сказать, господин лейтенант... Пшеница, конечно, закупается комиссариатом по весьма приятным для нас ценам...
- Еще бы! Почти вся идет за границу и возвращается чистым золотом.
- Точно так. В воюющей Европе некому и некогда растить хлеб, а голодных ртов убавилось не так уж много.
- Мерзавец-управляющий то же самое и говорил. А под повышенные обязательства предлагал взять кредит на паровую машину для мельницы. Ведь дадут?
- Свободных средств не хватает? – удивился отец Михаил. – Сколько у вас с аренды выходит?
- У меня общегосударственные расценки со скидкой на суглинки и подзолистые почвы! – Федяков, оскорбленный в лучших чувствах, вскинул голову. – Ни копейки лишней не беру, вам ли этого не знать?
- Простите, Юрий Сергеевич, не хотел обидеть, но...
- Я купил пай на Выксунском сталелитейном заводе, – пояснил мгновенно остывший и пришедший в прежнее добродушие помещик. – Так что бедую нынче без гроша в кармане. А обвинять в скупости и скопидомстве...
- Разве кто обвиняет? – поспешил вмешаться отставной егерь. – Вернемся к нашему разговору, ваше благородие.
- Извольте.
- Так вот... Мы говорили о пшенице, но читали ли вы газеты за последние полгода? Тон некоторых заметок, появляющихся с завидной регулярностью, позволяет предположить скорую острую потребность именно во ржи, так как ржаной хлеб составляет основу рациона... Вы понимаете?
- Запахло порохом?
- Мне так кажется.
- И где учат подобной внимательности при чтении газет?
- Федор Саввич сделал непонимающую физиономию:
- В каком смысле? После излечения и отставки я прослушал курс сельскохозяйственного училища императрицы Марии Федоровны и более нигде не обучался.
- Возможно, – не стал спорить помещик. – Но не пора ли начинать?
- Сейчас готово будет, – Федор Саввич кивнул в сторону отца Михаила, незаметно покинувшего их и распорядившегося на паперти. – Вот и стол выносят. А вам кресло.

Батюшка не знал, откуда появилась традиция накрывать стол алым сукном, но митрополит Нижегородский и Арзамасский Антоний, на приеме у которого пришлось бывать несколько раз, уверял, будто бы в Петербурге по-иному и не делают. Чтобы не отставать от столичных мод и веяний, пришлось пожертвовать целым рублем, зато теперь никто не упрекнет жителей

Федякова их провинциальностью. Поверх сукна, ближе к правому краю, неизменный графин с водой.

– Господа мужики! – начал отец Михаил и замолчал, пережидая поднявшийся гул.

Подобное обращение к крестьянам давно вошло в привычку, но до сих пор вызывало оживление в толпе. Пришлось постучать по графину кохинуровским карандашом, после чего шум стих и можно было продолжить.

– Господа мужики! – повторил священник и поклонился в сторону сидящего в кресле Федякова: – И господин лейтенант... Мы собрались для принятия обязательств и, самое приятное, для получения задатков под будущий урожай. И благослови вас Господь! Прошу вас, Потап Захарович, начинайте.

Скромный чиновник государственного закупочного комиссариата, более обеспокоенный предстоящей заготовкой и перевозкой сливочного масла, чем процедурой оформления обязательств, придвинул к себе толстую тетрадь с висящей на шнурке сургучной печатью и, устало вздохнув, крикнул:

– Подходите по одному!

Мужики замешкались, не решаясь выйти поперед спокойно сидящего Федякова. Разве можно так не уважить барина? Пусть бывшего барина, но все же...

– Давайте-давайте, – махнул рукой Юрий Сергеевич. – Я не тороплюсь.

Тогда первым протиснулся сквозь толпу Федор Саввич:

– Самохин я. Пиши пятьсот пудов ржи да по триста пудов ячменя с овсом.

Отец Михаил расслышал завистливый вздох. Оно и понятно, на немалый урожай рассчитывал вольный хлебопашец, но народ-то знал, сколько будет на самом деле, – занизил Федор обязательства, чтобы осенью продать тому же комиссариату по более высокой цене. Хорошо крепкому хозяину, а многие с нетерпением ждали сегодняшнего задатка – кто собирался лошаденку прикупить, кто дом подновить, а кто и просто от природной предусмотрительности. Мало ли – засуха, а выплаченное назад никто не забирает.

– Извольте получить и расписаться, – чиновник зазвенел извлеченным из вместительного сундучка серебром и протянул Самохину деревянную ручку со стальным пером: – Грамоту знать изволите?

– А оформления в Зубцовский уезд Рыльской губернии не желаете ли? – ледяным тоном, перенятым когда-то у полкового командира, осведомился Федор Саввич.

Закупочный комиссар только сейчас удосужился взглянуть на стоящего перед столом человека и слегка спал с лица:

– Простите великодушно, господин младший сержант! Совсем замотался, понимаете ли. Страда!

– Но к людям внимательнее нужно быть. – Самохин оставил в тетради витиеватую подпись и сгреб деньги. – Будьте здоровы, сударь.

Чиновник проводил взглядом уходящего с площади вольного хлебопашца и прошептал отцу Михаилу:

– Сурьезный господин, однако. – И уже во весь голос: – Следующий кто?

Последним объявил об обязательствах Юрий Сергеевич Федяков. Он к столу не подходил, так что пришлось комиссару нести тетрадь и сундучок к креслу, в котором с удобствами расположился помещик.

– Пишите, милейший, семь тысяч пудов ржи.

– Все же приняли решение? – явившийся следом отец Михаил позволил себе усомниться. – Народу где возьмете на уборку?

– Разорюсь на пару конных жаток. И черт с ней, с паровой мельницей.

– Хм... Не поминайте нечистого.

– Извините, отче, само вырвалось. Вы нынче к Макарию едете?

– Хотите там жатки посмотреть? Лучше приказчику князя Гагарина отпишите, а уж он в наилучшем виде сделает. И привезет, и людей работе научит, и на учет в губернской мастерской поставит.

– У князя дорого.

– Зато без поломок, особенно если своевременно механика вызывать для обслуживания. Тем более работники у вас серьезные.

– Это точно, – согласился Федяков.

Действительно, на работников он нарадоваться не мог. А если бы хоть один из них говорил по-русски, то им бы вообще цены не было. Три десятка беглецов из воюющей одновременно против Наполеона и германских княжеств Австрии изъяснялись на каком-то странном наречии немецкого языка, и Юрий Михайлович, любивший коротать время за перечитыванием глубоких размышлений господина Канта в подлиннике, понимал их с трудом. Но работали так, что аж спины от натуги трещали. Настолько изголодались по земле в своих игрушечных Европах? Наверное, так. Ничего, за десять лет, положенных на кандидатство в российские подданные, и человеческой речи научатся, и заслужат право служить в армии. Пусть право не для себя, для детей, но все же...

– Проводите меня, отец Михаил? Здесь и без вас прекрасно справятся.

Священник оглянулся – церковный староста с помощью звонаря утаскивал накрытый кумачом стол в сторожку, а дьячок унес графин, по пути принимаясь к его содержимому. Неужто не верит, что там налита обыкновенная колодезная вода? Вот же свинья, прости господи.

– Наливочка с прошлого года осталась замечательная, – продолжал уговаривать Федяков. – Нынче удастся ли такая?

– На грех подбиваете? Впрочем, ради вишневой наливки можно и согрешить. Сами делаете, насколько помню?

– Кому еще сие благородное дело доверить? Так что, идете?

Дорога домой показалась засидевшемуся в гостях до поздней ночи отцу Михаилу в два раза длинней. Коварна вишневка у Юрия Сергеевича – в голове чисто, пусто и ясно, мысли исключительно о высоком и светлом, а ноги идти отказываются. Нет, конечно же, они не выпивают замысловатые кренделя на радость и потеху шепчущейся в зарослях еще не зацветшей черемухи молодежи, но не хотят шагать твердо, и все тут. Мягкие какие-то стали – того гляди, вывернутся коленками назад, и поскачешь кузнечиком-стрекозой. Или заморским зверем кенгурой, что привез из кругосветного плавания капитан третьего ранга Лисянский. В газетах еще рисунок был, разве не видели?

Но наливка того стоит. И не зря Юрий Сергеевич платит в казну налогу по полтине с каждого ведра – разве приятственность для души и уладу для чувств можно измерять деньгами? В старые-то времена...

Что было в старые времена и каким образом они соотносятся с вишневкой отставного лейтенанта Федякова, отец Михаил додумать не успел – мерзкая маленькая собачонка, какими, собственно, и бывают все мелкие собаки, с заливым лаем выскочила из чьего-то палисадника и попыталась вцепиться в ногу. Получив пинка, злобное чудовище с жалобным визгом укатилось в темноту, но, справившись с потрясением и ведомая природной вздорностью характера, повторила атаку. Еще удар, попавший точно под нижнюю челюсть, и шавка опять улетела, захлебнувшись ненавистью ко всему миру.

– Вот же бляжий зверь... – пробормотал батюшка, нащупывая на дороге подходящий камень. – Вот я тебе!

Подвело угощение господина Федякова, как есть подвело. Не в том смысле, что его самого, а вот отца Михаила...

Звон дорогущего, с завода братьев Нобелей, стекла привел батюшку в некоторое смущение. Как и раздавшийся следом испуганный визг.

– Стой! – заорал кто-то в темноте, и в небо ударил сноп огня, сопровождающийся грохотом. – Стоять, я сказал!

Грозный окрик и выстрел заставили отпрыгнуть в сторону, а в руке неведомым образом сам собой появился пистолет. Лукавый смущает, подталкивая к оружию?

Топот тяжелых сапог по дороге – кто-то пробежал мимо, остановился, постоял немного. Вернулся. И уже потише:

– Марья Михайловна, вас стеклом не поранило? Беспокойствие имею большое.

– Ой, скажете тоже, Федор Саввич, – откликнулся звонкий голосок, по которому священник узнал старшую дочь. – Царапина пустяковая.

– Где? – ошутимо перепугался Самохин. – Перевязать бы!

– Не надо.

– Почему?

– Так оно попало... не скажу...

– Я сам посмотрю.

– Ой, руки убери, охальник!

– Да чего...

Звучный шлепок сменился жарким шепотом. Что было дальше, отец Михаил не слышал – он перекрестил темноту, улыбнулся с умилением и зашагал обратно к дому отставного лейтенанта Федякова. Чай, примет постояльца на одну ночь?

Принял. Даже очень обрадовался вернувшемуся собеседнику. Так и просидели до утра за наливкой. Рассуждая о видах на урожай, о европейской политике, о проводимом Павлом Петровичем перевооружении армии. Славно поговорили.

А утром...

Утром отец Михаил вернулся домой, громко обругал неизвестных злоумышленников, бросивших камень в окно, и совсем было собрался пойти в церковь, как в дверь заколотила чья-то решительная рука.

– Кого еще нечистая принесла, прости господи? Машка, ну-ка посмотри!

– Телеграмма! – несколько мгновений спустя откликнулась старшая дочь. – Мне распписаться?

– Я сам. – Священник вышел в просторные сени и протянул руку к неясно видимой фигуре в дверном проеме: – Дай сюды.

Но невозмутимый почтальон сначала заставил черкнуть закорючку в прошнурованной тетради и только потом отдал запечатанный сургучом пакет.

– Ответ нужен?

– Нет, – покачал головой письмоносец. – Желаю здравствовать.

– Благослови тя Господь, – машинально откликнулся батюшка и зашелестел бумагой, громко цыкнув на дочь: – Не твоего ума дело! Лучше Федьку своего сюда позови!

– Он не мой.

– Поговори еще...

– А сказать-то чего?

Отец Михаил задумался на минутку и выдохнул:

– Война!

Глава 2

15 апреля 1807 года. Санкт-Петербург. Михайловский замок

– Ну так что, государь, война? – Кутузов бросил указку на расстеленную карту и выжидательно посмотрел на меня.

– А сам как думаешь?

Михаил Илларионович неопределенно хмыкнул и ответил с легкой усмешкой:

– Для думанья у нас твоя голова имеется, а мое дело – приказы исполнять!

Фельдмаршал один из немногих, а честно сказать, так вообще единственный, кто позволяет себе так вольно разговаривать с императором. Соблюдая меру, ни в коем случае не перебарщивая, но с достаточной бесцеремонностью и малой толикой панибратства, временами переходящей в амикошонство. Имеет право, между прочим. Право друга и боевого товарища, с которым полтора года хлебали горькую кашу войны. Той, которая, дай бог, никогда не случится.

Мы попали сюда из сентября одна тысяча девятьсот сорок третьего года, из-под Ленинграда. Как? Не знаю сам. Может быть, погибли, и наши души переселились, а может... Не верю я в это. Но пришлось поверить. И пришлось зубами вцепиться в шанс прожить еще одну жизнь. И началось!

В первую очередь я категорически отказался помереть от апоплексического удара табакеркой в висок, чем очень озадачил заговорщиков. Причем многих из них сюрприз удивил до смерти – в ночь, когда все держалось пусть не на ниточке, а на кончиках штыков оставшихся верными присяге гренадеров, церемониться с убийцами никто не собирался. Сколько тогда народу в горячке порешили? Много. Сейчас бы действовал иначе, но в тот момент казалось, что другого выхода просто нет. Ладно, кто старое помянет...

А что было «во-вторых»? Ага, вспомнил... Как-то само собой получилось, что репутация слегка помешанного императора Павла Петровича не только подтвердилась, но и явила себя во всей красе. И сам постарался, и недоброжелатели подсутились, но сейчас мне это на руку – не приходится придумывать оправдание действиям и поступкам, взгляду постороннего наблюдателя, кажушимся очередным сумасбродством. Взгляду иностранных разведок – тем более. Плевать, пусть ломают голову, пытаюсь разгадать второй, третий, а то и пятый смысл любых движений русского царя.

Вот так и прожил шесть лет. Уже шесть лет?

– Надумал?

От голоса Кутузова воспоминания рушатся подобно стенам Иерихона, услышавшим трубы Иисуса Навина. Нетерпение фельдмаршала вполне объяснимо – только что по телеграфу поступило сообщение, что австрийскую столицу осадили неожиданно объединившие свои усилия французские и венгерские войска. Ну, венгров за полноценное войско можно считать с большой натяжкой, хотя повстанцы и сражаются с редким воодушевлением, а вот действия Наполеона изрядно беспокоят.

Не любит он нас. Причем знает, что мне об этом хорошо известно. Да я и не просил любить, лишь бы платил аккуратно за поставки. Да, ситуация... Еще недавно казалось, что стоит только перекрыть поток товаров, за прошедшие годы превратившийся из крохотного ручейка в полноценную реку, и Бонапарт будет поставлен на колени. Казалось, да.

Вообще, когда сюда попал, мне казалось, что знаю историю почти на полтора столетия вперед. И поэтому полагал, будто сведений из будущего достаточно, чтобы обойти все подвод-

ные камни внешней и внутренней политики. Наивный дурак! Сам черт не разберется в нынешней мешанине, куда оказались втянуты даже те, кто о войнах и не помышлял никогда.

– Сволочи!

– Вы про кого, государь? – Фельдмаршал снова стал самим собой, временно задвинув сознание Мишки Варзина на второй план.

– Про всех, – легкой улыбкой даю понять, что к присутствующим это не относится. – Как у нас с готовностью?

– Как обычно, – пожимает плечами Михаил Илларионович. – Артиллерия укомплектована новыми орудиями на двадцать пять процентов от потребного, патронов к кулибинским винтовкам едва ли по сотне на ствол наберется, воздухоплавание в глубокой ж... хм... в ней самой, производство минометов начнется только осенью. Мы традиционно не готовы.

– И кавалерия?

– Пфе! Гусары полков спецназначения еще чего-то могут, а остальные...

Старый товарищ неправ, очень во многом неправ. Просто ему хочется всего и сразу, а не получается. Вот я не переживаю: подумаешь, три четверти пушек не успели заменить, у других и этого нет. В том смысле, что наши старые и до того считались лучшими. И с патронами не так страшно, как кажется. Да, всего по сотне на ствол, но принимая во внимание некоторую увлеченность графа Кулибина своими винтовками и пуск новых оружейных заводов в Сормове и Туле... Иван Петрович претворяет в жизнь самые радужные мечты, вдруг оказавшиеся вполне осуществимыми.

Хм, не забыть бы ему напомнить о необходимости провести инспекцию на предприятиях княгини Лопухиной – в последнее время оттуда идет столько брака, что в иные времена милейшей Дарье Алексеевне хватило бы на червонец. Плюс пять лет поражения в правах. А я вот либеральничаю.

– Готовы мы к войне. Или не готовы, – подвожу итог нашей беседы, – а воевать, Миша, все равно придется. Или не хочешь?

– Не хочу, – соглашается Кутузов. – Я ведь, твое величество, не сопливый младший лейтенант из училища, у которого в мозгах вместо извилин отражение широких лампасов.

– Не хочешь, но будешь?

– Есть варианты?

– Нет, – обнадеживаю друга.

– А что же спрашиваешь?

– Да так...

– Нет уж! – Фельдмаршал повертел в руках ни в чем не повинную указку и переломил ее об колено. – Вместе кашу заварили, вместе и расхлебывать будем. Мы же большевики?

Хороший вопрос. Своевременный вопрос.

– Сам как думаешь?

Молчит. Оно и правильно, что молчит. Мне тоже нечего ответить. Наверное, пару-тройку лет назад и смог бы, но не сегодня. Представляю, как нерожденные пока Карл Маркс и Фридрих Энгельс ворочаются в гробах от нашего с Мишкой марксизма. Кстати, не попросить ли Александра Христофоровича Бенкендорфа озаботиться тем, чтобы прогрессивное учение так никогда и не появилось на свет? Всего-то и нужно... Сколько стоит человеческая жизнь в нынешней Европе?

И не надо меня обвинять в ревизионизме, уклонизме и прочих грехах, не надо. Вам нужны великие потрясения? Замечательно, тогда засуньте их себе в задницу, а мы и без потрясений как-нибудь проживем. Постараемся, во всяком случае.

Все, к чертям посторонние мысли! Работать!

Фарфоровая кнопка на столе – новое веянье в моде и прорыв в науке. Мы стоим на пороге эпохи электричества. Оно, правда, еще в зачаточном состоянии, но примитивную батарею для питания звонка осилили.

– Вызывали, Ваше Императорское Величество? – секретарь появился в кабинете неслышно, хотя дверные петли должны отчаянно скрипеть. Он сквозь стены проходит, что ли?

– Да, вызывал. Бумаги готовы?

– Так точно. – Толстая папка ложится на край стола. – Копии тоже здесь.

У Сергея Александровича хороший почерк – буквы округлые и ровные, словно идущие в атаку шеренги французской пехоты. А у меня строчки кривые, с многочисленными кляксами и исправлениями. Это дают о себе знать последствия покушения двухлетней давности – плохо сгибаются пальцы на правой руке. Стакан или шпагу удержать могу, но ручка со стальным пером подчиняться категорически отказывается. Впрочем, для трех десятков подписей много сил не потребуется.

Пять последних листов откладываю отдельно. Это будущая добыча иностранных шпионов, слетевшихся в Петербург в поисках совершенно секретной информации. Пусть шпионят на доброе здоровье, мне не жалко. Вот когда сопредельные державы перестанут проявлять интерес, тогда будет печально. А бумаг я еще напишу, благо богатое и нездоровое воображение порой подсказывает такое...

– Передашь Бенкендорфу, дальше он сам озаботится.

– Будет исполнено, Ваше Императорское Величество, сей же час передам лично в руки.

– Курьера достаточно.

– Но Александр Христофорович будет нынче на совещании.

– А мы куда-то торопимся? Благородное искусство шпионажа суеты не терпит.

Да, господа-товарищи, хороший шпионаж много чего не любит. А вот мне в последнее время нравится с самым серьезным видом произносить заведомые глупости и рассказывать бородатые анекдоты. Волнуюсь, наверное, в преддверии большой войны и пытаюсь спрятать неуверенность за шутками. Боюсь? Скорее всего так и есть – полководец из меня аховый, и больше полка в обороне не потяну. Про наступление вообще лучше не заикаться, дабы не опозориться. Будем надеяться на полководцев, зря, что ли, жалованье получают. И немалое – содержание генералов обходится несколько не дешевле расходов на Черноморский и Балтийский флоты вместе взятые.

А война стоит на пороге и уже стучится в двери. Война, которая сейчас нужна больше мира, как бы ни страшно это звучало. Семь лет мы работали на нее, теперь наша очередь собирать камни. Или разбрасывать? Что же, значит, будем разбрасывать.

– Разрешите идти? – застывший неподвижно секретарь наконец-то решился нарушить мое задумчивое молчание. Инициативный, и это хорошо.

– Да, конечно же.

Сергей Александрович щелкнул каблуками и вышел – никак не избавится от въевшихся с детства привычек. Потомственный военный, то вам не фунт изюму.

– Вызывали, Ваше Императорское Величество? – в приоткрытую дверь заглядывает уса-тый сержант с двумя золотыми нашивками за тяжелые ранения.

Черт побери, я сам не заметил, как рука привычно нажала на звонок. Зачем мне солдат в кабинете? Поговорить?

– Садись, – показываю на стоящий напротив стул. – Или присаживайся. Если так удобнее.

Улыбается, каналья, но мотает головой. Тоже правильно – для часового на посту карательный начальник страшнее любого императора. И если обнаружит нарушение, то никакие монаршие милости не компенсируют грядущие неприятности по службе.

– Слушай, Василий Петрович, что ты думаешь о французах? – Сержант улыбается еще шире. А что, если Наполеон знает в лицо чуть ли не каждого своего гвардейца, то и русскому царю не зазорно. Вроде малость, а людям приятно. – Ну? Только правду.

Задумался. И это тоже хорошо, ведь лет пять назад мне бы ответили в таком духе: мол, не сумлевайся, надежа-государь, бравы солдатушки одолеют супостата одной левой, ты только прикажи. А глаза обязательно выпученные и похожие на оловянные пуговицы.

– Француз – вояка умелый, Ваше Императорское Величество.

– Давай без титулований, братец. Умелый, говоришь? А ты сам?

– Ну-у-у... сравнивать не стал бы.

– Это почему же?

– Несправедливое сравнение, государь! Кто я, а кто они!

– Русскому солдату негоже скромничать.

– При чем здесь скромность? – искренне удивился часовой. – В правильном бою я пятерых побью, не запыхавшись, а в тайном, как Александр Христофорович обучает, и двух десятков мало будет.

– Ладно, иди, чудо-богатырь. – Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Вот и поговорил с народом! *Vox populi*¹ послушал, мать его за ногу!

Скрипнула дверь. Черт побери, безопасность безопасностью, но все же стоит приказать смазать проклятые петли! Нервы и без того натянуты струной, а мерзкий звук проходится по ним даже не смычком – пилой, оставляющей зазубрины. Вот хватит кондрашка невзначай!

Легкие шаги Марии Федоровны узнаваемы. Дражайшая супруга в свои годы умудряется не только выглядеть на тридцать лет, но и чувствовать себя так же. Злые языки, к сожалению, еще не подрезанные под корень товарищем Бенкендорфом, утверждали, что императрица играла с дьяволом в карты, поставив на кон бессмертную душу против секрета вечной молодости. Как сообщали рассказчики, царица совсем было проиграла, но появление вооруженного кочергой и винтовкой ревнивого супруга, то бишь меня, радикальным образом повлияло на результат.

В итоге состоявшегося выяснения отношений черт лишился рогов, хвоста, целомудрия (тут как раз пригодилась кочерга) и был отправлен этапом на Аляску. Вечная же молодость досталась призом победителю, разделившему еще в равных долях, не считая малой толики, выделенной присутствовавшему при допросе и аресте нечистого фельдмаршалу Кутузову.

Церковь в лице обер-прокурора Священного синода отца Николая выступила с опровержением гнусных домыслов, но напечатанные во всех газетах Российской империи статьи имели эффект хоть и положительный, но прямо противоположный ожидаемому. Читатели с серьезным выражением лица кивали друг другу, многозначительно перемигивались, а та история обростала все новыми подробностями.

Да и плевать, честно сказать. Зато не придется никому ничего объяснять, выдумывая причины столь крепкого здоровья и общей бодрости организма.

– Павел, ты тревожишься, я чувствую, – теплые ладони привычно легли на плечи. – Что-то случилось?

– На душе нехорошо. – С Марией Федоровной можно и нужно разговаривать откровенно, как на исповеди. И даже более.

Впрочем, кое о чем лучше промолчать и там, и там. Оно самому спокойнее, и душа не отягчена осознанием ввержения человека в пучину страстей. Негоже ставить любое из Божьих созданий перед выбором – поверить или нет, хранить или продать... Да, Господь дает свободу воли, но лишь нечистый предлагает варианты. Поэтому исповедь для меня является формаль-

¹ *Vox populi vox Dei* (лат. «Голос народа – голос Бога») – латинская поговорка, эквивалент русской пословицы: «Глас народа – глас Божий».

ностью, несмотря на то что прошлой памятью императора Павла Петровича я очень верующий человек. Не набожный, а именно верующий. Понимание сего факта пришло не сразу, но и неожиданностью тоже не стало.

– Не переживай, Павел, все будет хорошо. Россия никогда не проигрывала свои войны.

– Вот как? – наконец-то поворачиваюсь, благо кресло на колесиках позволяет сделать это не вставая. От супруги, в последнее время увлекшейся изучением русской истории, можно было ожидать многое. – И на основе чего же сделаны столь выдающиеся выводы, дорогая? Татаро-монголов ты отменила высочайшим повелением?

– А это с какой точки зрения посмотреть.

– С любой.

– Павел, ты ошибаешься! – Императрица хмурится, отчего на переносице появляется строгая морщинка. – Верна только та точка зрения, что служит благу Отечества. Не смейся: для женщины Родиной становится та страна, в которой родились ее дети.

– Иезуитство! – И на всякий случай уточняю: – Это не про детей.

– Я помню. – Морщинка пропала, и лицо расцвело в милой улыбке: – А иезуиты, между прочим, умнейшие люди.

– Кто бы спорил.

– Не отвлекай... Они Китаю историю написали, придумав несколько тысячелетий прошлого, и...

– Предлагаешь поручить им поработать над нашей?

– Доверить святое еретикам? Шутишь? Тем более у нас даже придумывать ничего не нужно, все свое и в избытке. Вот ты монголов вспоминал, а где этот народ сейчас?

– Тут, – я ткнул пальцем в стоящий рядом со столом глобус, на котором иногда любил поразвлечься, рисуя одним государствам немыслимые очертания границ, безжалостно раздирая на части другие, третьи вообще стирал с поверхности земного шара, обозначая на том месте четвертые.

Мария Федоровна пригляделась к маленькой точке, затерянной где-то в глубинах Азии, и пренебрежительно фыркнула:

– И это те самые потрясатели Вселенной? Нет, что ни говори, а мы ту войну выиграли, пусть и с несколькими неудачными кампаниями в самом начале. Важен итог, не так ли?

– Но двести с лишним лет?

– И что? Древности свойственна неторопливость. Это сейчас все будто с ума посходили и запустили время вскачь, раньше было иначе. Вот воевали с Литвой – где та Литва? Где Польша, Швеция? Уж не говорю про насекомые государства вроде Крыма или Ливонского ордена.

– Последний государством не являлся.

– Тем лучше, Павел! К разбойникам во всем мире относятся с предубеждением, а они разбойники и есть. Были.

– Глупости!

– Да, глупости, – согласилась Мария Федоровна. – Но к умным мыслям относятся с еще большим предубеждением.

Забавно! Надо будет процитировать императрицу на сегодняшнем Военном совете. Нет, что ни говори, я ее очень люблю и уважаю, но иногда мою дорогую слишком заносит. Хотя...

– Душа моя, ты не откажешься присутствовать на нынешнем совещании?

* * *

Весенний вечер тих и прекрасен. Из открытого окна тянет холодком еще не везде стаявшего снега, а откуда-то со стороны Мойки доносится незлобивая матерщина городских, призывающих петербуржцев не шуметь и не нарушать раздумий императора. В кабинете дым –

дежурившие на крыше снайперы опять набросали всякой дряни в каминные трубы, и попытка погреться у живого огня закончилась неудачей. А не сослать ли в Сибирь мерзавцев? Чуть было не сорвали заседание Государственного совета!

– Здравствуйте, господа и товарищи! – обожу взглядом присутствующих, ни на ком не останавливая его. – Я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие.

Михаил Илларионович улыбается – Мишке Варзину приходилось когда-то играть на любительских подмостках, а в ближайшее время на сценах петербургских театров появится пьеса «Ревизор» за авторством некоего Николая Васильевича Гоголя, но под редакцией фельд-маршала Кутузова. Я сам не ожидал, что старый друг окажется таким завзятым театралом.

Остальные предельно серьезны и осознают важность момента. Бенкендорф сидит с неизменной кожаной папкой на коленях и тихонько постукивает носком сапога по натертому паркету. Волнуется? Правильно, Александр Христофорович принимал участие в разработке нашего плана и знает, что именно ему и предстоит взвалить на плечи самую тяжелую ношу. И его ОсНазу, где при обучении отсеивается до пятидесяти процентов личного состава.

Слева от Бенкендорфа – государственный канцлер. Графу Ростопчину предстоит осуществить дипломатическое прикрытие. В том смысле, что нужно представить Россию жертвой неспровоцированной агрессии со стороны Франции. На мнение так называемой просвещенной Европы нам плевать, но для успокоения собственной совести такое положение дел весьма желательно. Совесть у нас хоть и гибкая, но та гибкость имеет некоторые пределы. До них, правда, еще не доходили, но зачем рисковать?

Министр обороны перекидывает из руки в руку двухцветный карандаш «Тактика» производства завода братьев Гномовых, привезенный ими лично из Нахичевана в подарок Алексею Андреевичу. Карандаш не менее локтя в длину, в три пальца толщиной и выглядит скорее гетманской булавой, чем писчей принадлежностью. Зато нарисованная на карте стрелка предполагаемого контрудара занимает половину будущего театра военных действий. Шутник граф Аракчеев, однако.

Командир Красногвардейской имени генералиссимуса Суворова дивизии генерал-майор Тучков смотрит в окно. Этот спокоен – красногвардейцы недавно полностью закончили перевооружение и пополнили численность после понесенных в Тифлисском замировании потерь и готовы к выполнению предстоящих задач. Любых. Иначе что же это за гвардия?

Гавриил Романович Державин излучает внимание и почтительность. Главный поэт страны, министр финансов и старший таможенник Российской империи. Хотя сегодня Военный совет, но деньги тоже оружие. У нас все должно стать оружием. Кстати, а куда это косится старый черт?

– Хм... Гавриил Романович?

– Да, Ваше Императорское Величество? – Державин с трудом отрывает взгляд от внесшей поднос с легкими закусками горничной. С некоторых пор решено было сменить угрюмые рожи дежурных сержантов на румяные личики юных красавиц. – Простите, отвлекся.

Скорее привлекся. И что такого привлекательного в длинных юбках, едва приоткрывающих изящный башмачок на стройной ножке? По моему разумению, можно и покороче, иначе при работе в госпитале край платья запачкается кровью. Некрасиво получится, не находите?

Глава Священного синода тоже косит глаза не туда, куда следует женатому человеку, и отворачивается с явным сожалением. А не отослать ли его на фронт от греха подальше? Вот так, пожалуй, и сделаем.

Ну вот, вроде бы все собрались, включая императрицу Марию Федоровну, и пора начинать вершить судьбы мира. Так, кажется, это называется?

Глава 3

22 июня 1807 года. Царство Польское

Федор Толстой опустил бинокль, через который наблюдал за переправляющимся через безымянную речку авангардом французской армии, и вполголоса выругался. Мать честная, вот это силища прет! Считай, чуть не вся Европа заявила. Эх, велика Россия, но лишней земли в ней нет, особенно под новые кладбища. Вот ведь подлый народец – даже будущей смертью своей норовят ущерб нанести.

– Васька, готов к передаче?

– Один секунд, вашбродь! – Солдат в пятнистой накидке разведчика как раз заканчивал устанавливать треногу гелиографа. – Уровень выставить осталось.

Приборчик нехитрый, но в пользовании требует некоторых навыков. Собой он представляет здоровенный ящик со множеством зеркал, расположенных таким образом, что передаваемый посредством солнечных зайчиков сигнал можно посылать как направленным лучом, так и по широкому фронту. Сейчас второй случай и есть – ушли черт знает куда, и принимающий гелиографист знает только примерное направление. Тучки бы не набежали...

Вообще-то Федору не по чину самолично следить за переправой противника, и генерал-майор Тучков за это устроит хорошую головомойку, но батальон находится в свободном поиске, что позволяет более вольно трактовать требования Устава. Да, не по чину! Но если очень хочется? Хочется сделать самый первый выстрел в этой войне, чтоб когда-нибудь с гордостью рассказать внукам и правнукам... Или не говорить, пусть сами прочитают в учебниках истории.

Военному человеку вообще свойственна малая толика тщеславия, и капитан Толстой не являлся исключением. Но, как ни странно, головокружительная карьера не испортила его характер. В двадцать шесть лет, получив под начало батальон Красной гвардии, по негласной Табели о рангах стоящий между егерской бригадой и пехотной дивизией, он оставался все тем же Федором Толстым, что попал когда-то в штафбат под командованием прапорщика Александра Павловича Романова.

Ранняя счастливая женитьба на то повлияла или непременно участие во всех без исключения военных мероприятиях как за границами Российской империи, так и внутри ее, но Федор Иванович прослыл среди подчиненных добрым, строгим и заботливым командиром. Среди солдат бытовало поверье, что смерть панически боится их капитана и старается обходить батальон стороной, предпочитая добывать пропитание среди неприятельских рядов. Мнение укрепил случай, произошедший во время недавнего Тифлисского замирения, когда... Впрочем, зачем вспоминать былое, если новый враг пришел незванным и топчет родные пажити? Что, разве в царстве Польском сельскохозяйственные угодья называются как-то иначе? Это неважно, все равно топчут, причем пока безнаказанно.

– Готово, вашбродь! – бодро отрапортовал покончивший с настройкой аппарата связист.

– Ага, – кивнул капитан и сунул солдату листок бумаги: – Ты передавай пока, а я малость поближе гляну. Как закончишь, живо дуй к нашим.

– Так ведь...

– Не рассуждать! – прикрикнул Толстой, прекрасно понимающий, что его намерения немного противоречат полученному из штаба дивизии приказу.

– Совсем не рассуждать?

– Только сейчас. И смотри у меня тут! – Командир подумал и добавил ласково: – Или в морду дать?

Угроза подействовала, хотя капитан ни разу не был замечен в рукоприкладстве к нижним чинам. Наверное, солдату не хотелось стать первым.

– Пошел я. – Толстой закинул за спину винтовку со странным утолщением на конце ствола, похлопал по патронной сумке на поясе и растворился в густых кустах.

А связист вздохнул, перекрестился и, скосив глаза в бумажку, привычно захлопал шторками гелиографа, в паузах протирая толстую линзу в крышке аппарата. Работа как работа... лишь бы тучки не набежали.

От разнообразия и многоцветья неприятельских мундиров рябило в глазах. Красные, синие, зеленые, белые, красно-синие, бело-красные, сине-зеленые и прочие, самые немислимые сочетания... Ну что за радуга, право слово? Они воевать собираются или бал-маскарад устраивать? Нет, не дошла еще просвещенная Европа до понимания разницы между полевой и парадной формами. В первой все, в том числе и красота, пожертвовано ради удобства и незаметности, а во второй можно появляться исключительно в свете, блистая перед дамами звездами орденских знаков и золотом эполетов.

Сам Толстой в светло-зеленом, в цвет высокой травы на небольшом пригорке, и со стороны выглядит... А никак не выглядит – никто не смотрит в его направлении, отдав все внимание завязшим в илестом дне пушкам.

– Экую древность с собой таскают, – капитан вслух прокомментировал очередную попытку выдернуть из воды громоздкого и тяжелого бронзового монстра. – В этой дуре немногим меньше двухсот пудов будет.

Речка, скорее даже широкий ручей, не собиралась отпускать добычу и плевать хотела на усилия шестерки лошадей, упорно месивших копытами мокрую глину крутого берега. Ругательства на не менее чем четырех языках носились в воздухе, и столпотворение имело все шансы поспорить с Вавилонским.

Сами виноваты – переправившаяся в первую очередь кавалерия вдрызг разбила брод. А двинувшиеся следом артиллеристы не придумали ничего умнее, как взять чуть левее. Это вам не благословенная Франция, идиоты! Здесь любая лужа обладает шляхетским гонором и мечтает превратиться в непроходимое болото, обязательно независимое от других болот и населенное собственными упырями.

Эта речка не стала исключением – справа и слева от единственного во всей округе брода она разливалась, образуя великолепные, поросшие камышом топи. Просто мечта охотника на пернатую дичь. И на французов, разумеется.

Толстой разложил на чистой тряпочке патроны – в лежащем положении доставать их из поясной сумки несподручно. Интересно, успеет отстрелять дюжину, прежде чем неприятель определит его местоположение? Вроде бы должен успеть и больше – механик, изготовивший изобретенный Иваном Лопухиным глушитель на винтовку, клятвенно заверял, что приспособление выдержит не менее сорока выстрелов.

Ну, с богом? Кулибинка нового образца калибром в четыре линии сухо кашлянула, и на обтянутом белыми лосинами животе французского полковника появилась аккуратная дырочка. Еще одну... на этот раз в голову офицера-артиллериста. Третья пуля досталась разукрашенному, будто павлин, толстяку с отвисшими щеками, по всей видимости, генералу из какого-то карликового итальянского королевства. Именно там любят висюльки, перья, жесткие от золотого шитья мундиры.

А после четвертой капитану сделалось жарко. И не погода в том виновата – густой дым от сгоревшего пороха выдал место засады, и французы с азартом принялись палить по пригорку. И когда успели ружья зарядить?

«Вот ведь дурень! – ругал сам себя Толстой, на пузе проползший по трем муравейникам подряд. – Мог бы и заранее подумать!»

Федор Иванович не знал, что ровно через полчаса после его убытия в разведку в расположении батальона появился присланный из дивизии обоз с партией опытных боеприпасов. И донельзя довольный старший лейтенант Лопухин уже отложил командирскую долю. И себя, разумеется, не обделил. Но пылкая страсть начальника штаба к созданию запасов на всякий непредвиденный случай ни для кого не является секретом. Более того, все уверены, что в его карманах даже парочку старинных единорогов можно найти. И как помещаются? Ванька, наверное, колдун!

– Что он творит? Нет, ну что он творит, мерзавец? – В голосе старшего лейтенанта Лопухина одновременно звучали осуждение, восхищение и зависть. Белая зависть, разумеется.

Он наблюдал за действиями командира в мощный бинокль и в особенно драматичных моментах аж подпрыгивал на месте. Собственно, самого капитана Толстого видно не было, но его замысловатый маршрут четко прослеживался по срабатывающим то тут, то там ловушкам. Нет, батальон не зря две с лишним недели ковырялся в земле, изображая кротов и окружая себя полосой препятствий. Не хотелось бы сейчас оказаться на месте преследующих Федора Ивановича французских гусар. Эти тоже хороши – мало того, что поперлись в лес верхом, так еще и целым полком.

Вот упали крест-накрест штук десять сосен, и следом донеслось дикое ржание. Черт с ними, с людишками, а вот лошадей жалко. Они скотинки подневольные и национальности не имеют. Ладно, как там: щепки летят и бьют по безвинным грибам? Надо будет попозже кого-нибудь отправить, чтоб добили... и французов тоже.

Грохнули одноразовые деревянные пушки. Ага, значит, командир выводит погоню к минному полю. Сколько-то народу останется в волчьих ямах с заостренными кольями на дне, потом сработают падающие на веревках бревна, и лишь тогда незваных, но ожидаемых гостей поприветствуют прикопанные фугасы с терочными запалами. Ненадежные они, правда, но даже если половина бабахнет, то гусар можно будет собирать в мешки при помощи веника и лопаты. Хорошо так воевать, только очень скучно. А что делать, если император Павел Петрович за устроенный по всем правилам устаревшей военной науки бой обещается закатать виновника на вечную каторгу?

– Второй роте занять позиции на северном направлении!

На минное поле надейся, но пехота в любом случае должна сидеть в окопах с защищенными рогатками подходами. В жизни есть место не только подвигу, но и обычному человеческому везению, так что не стоит исключать вариант прорыва вражеской кавалерии. А потом по увязшим в грамотной обороне французам со спины ударит первая рота. Эти со вчерашнего дня кружат за периметром лагеря, совмещая в себе дозор и резерв. Тактика простая – по два-три выстрела, и сматываться, благо дальнобойные винтовки позволяют действовать на безопасном расстоянии.

Но все равно скучно, господа! А командир развлекается, мерзавец!

* * *

Федор Иванович не считал бешеную гонку по лесу таким уж хорошим времяпрепровождением и тем более развлечением. Капитан мысленно посылал проклятия наступающим на пятки французам, полякам, растащившим на дрова все поваленные деревья и не оставившим ни одного естественного препятствия, и себе, причем в первую очередь. Ну надо же было так бездарно навести преследователей на расположение батальона! Вдруг кто-то из них останется в живых, и тогда вся секретность убежища полетит псу под хвост! А ведь рассчитывали про-

сидеть здесь до самых холодов, беспокоя дальними рейдами неприятельские тылы и парализуя снабжение наполеоновской армии. И что теперь, искать новое? А на чем перевозить заготовленные на полгода съестные припасы?

Да, провиант у батальона имелся свой, потому что приказ недвусмысленно запрещал любые контакты с местным населением. Тут в любого ткни и наверняка попадешь в отъявленного ненавистника. Крестьяне, разумеется, более лояльны, но страшно дремучи и невежественны. Скажет пан сыпануть отравы в муку или молоко – сыпанут не задумываясь. Потому как рабство настолько въелось в души, что и помыслить не смогут о противоречии. И любить станут беззаветно и преданно, ежели на то будет господское указание. Но это так, самый сказочный вариант – гордые шляхтичи заочно влюблены в Наполеона и с нетерпением ждут удобного момента для утраты девичьей невинности. Такой вот странный здесь народ живет.

Капитан остановился, чтобы чиркнуть фосфорной спичкой и поджечь идущий к зарядам огнепроводный шнур. Преследователи как раз должны оказаться в нужное время под развешенными на деревьях «перделками». Сим неприличным словом обзывались выдолбленные обрезки бревен, забитые порохом и мелким щебнем, на который пошли щедро разбросанные самой природой огромные валуны. Некоторые из красногвардейцев ворчали, разбивая кувалдами неподатливых гранитных великанов, но прошедшие огни и воды ветераны добрым словом и крепким подзатыльником смогли разъяснить молодежи нужность данной работы. Тем более командир и начальник штаба, начинавшие еще в «ТОМ САМОМ» батальоне, не погнушались подать личный пример.

Так, огонек с едва слышным шипением побежал вверх, и осталось ровно две минуты на ретираду. Тут же не суворовские чудо-богатыри собрались, так что сей маневр не является чем-то предосудительным. Даже наоборот, занятия по правильному отступлению занимали почти половину отпущенного на обучение времени. Император Павел Петрович однажды хорошо выразился, назвав эти действия активной обороной.

«Куда уж активнее! – Федор пригнулся от прозвучавших почти одновременно выстрелов «перделок» и размазал по лицу перемешанную с горячим потом грязь. – Еще немного, и мне можно присваивать почетную приставку к фамилии. Толстой Гончий Лось – предводитель гуронов! Каково, а?»

За спиной глухо стукнуло, и мгновение спустя громкие французские ругательства оказались заглушены тонким, вкручивающимся в мозг криком на одной ноте. Такое бывает, когда человек вдруг обнаруживает в кишках заостренную деревяшку. И не сразу умирает от боли.

– Pardonnez moi camarades, millions fois pardon! ²– Федор прошел по узкой перемычке между двумя волчьими ямами и обернулся. – Извините, так уж получилось.

Ответом стала пуля, выбившая щепки из соснового ствола в паре вершков от головы. Нет, определенно, после их так называемой революции во французах совсем не осталось благородства. Извинился-де, даже на двух языках, какого черта еще нужно?

Опять стреляют. Но, как показалось, вперед больше не стремятся. Уж не собираются ли отступить? В таком случае – скатертью дорожка! Как будет по-французски «проваливайте на хрен, суки»?

– Ну ты, Федор Иваныч, и дал жару! – Лопухин встретил неторопливо бредущего командира сразу за линией окопов. – Один против целого полка воевал!

– Да полно, – Толстой устало отмахнулся. – Там пара эскадронов была, если даже не меньше.

– А мне показалось...

² Извините, друзья, миллион извинений! (фр.)

– Мне тоже со страху двенадцать дивизий померещилось. Чуть медвежья болезнь не приключилась.

Командир батальона и его начальник штаба знали друг друга много лет, потому могли разговаривать начистоту, без глупой бравады и показной храбрости. Если на двоих съеден не один пуд соли и сожжены несчитанные пуды пороха, то можно откровенно признаться в маленьких слабостях. Ванька поймет – у самого не единожды после дела дрожали колени. Перед боем и во время него – никогда, а по окончании...

– Сейчас людей пошлю трофеи собрать. – Лопухин вопросительно посмотрел на капитана, ожидая подтверждения, и, увидев одобрителный кивок, рассмеялся: – Заодно твои дивизии пересчитаем. Двенадцать там или восемнадцать... чего их, супостатов, жалеть-то?

– За приписки взгреют.

– Да шучу я, шучу! – пошел на попятную начальник штаба.

Он и сам прекрасно помнил грозный указ государя-императора, позднее лично озвученный Павлом Петровичем на общем построении дивизии. Его Величество испытывал вполне объяснимую приязнь к Красной гвардии, поэтому всегда старался говорить без намеков и двусмысленностей. Грубовато, конечно, получалось, но ведь не перед воспитанницами Смольного выступал! Солдаты, кстати, после этих встреч пребывали в энтузиазме, да и офицеры не упускали возможности узнать несколько новых слов.

А государь тогда выразился, да...

– Я не помню точно, кто сказал первым, будто война должна сама себя кормить, но это сказал идиот и сукин сын! Поэтому отставим в сторону троцкистские лозунги и заявим со всей большевистской прямоотой – война никогда и никого не кормит! Эта гидра жрет все, что попадет под хищные щупальца. И наша задача – хоть немного приуменьшить нанесенный ее прожорливостью ущерб.

Император прервался и строгим отеческим взглядом обвел застывших в строю красногвардейцев:

– Так что, господа, приоритетной задачей становится не только уничтожение врага, который через месяц обязательно внезапно вторгнется в наши пределы, но и нанесение ему максимального материального ущерба. Это о трофеях, если кто не понял. Но! Попрошу обратить внимание на строгую отчетность. Построение великой Империи невозможно без учета, учета и еще раз учета! Россия верит в вас, товарищи!

Вот теперь и думай, что написать в победной реляции. Многовековые традиции составления донесений требуют указать хотя бы один разбитый полк, но новые веяния рекомендуют сообщать чистую правду. А как же ордена и прочие монаршьи милости? Какое-то внутреннее противоречие получается. И угораздило же Федора притащить за собой гусар! Нет бы их обоз! Вот всегда так – командир пойдет и победит, а бумажная работа достается начальнику штаба. Эх, грехи наши тяжкие!

– О чем вздыхаете, Иван Михайлович?

Лопухин обернулся и улыбнулся с преувеличенной приветливостью. Призванный из запаса отец Михаил был в батальоне человеком новым и заменил сломавшего ногу батюшку Мефодия буквально перед операцией. Не хирургической, разумеется, а военной. Вид священник имел самый грозный, но до прежнего, пострадавшего при парашютном прыжке с воздушного шара, малость не дотягивал. Ну да, пистолет на поясе и винтовка за спиной, но все равно что-то не то. Может быть, доброты во взгляде не хватает?

И, кстати, почему он с оружием? Раньше военные священники все больше молитвами и личным примером обходились. Кроме нынешнего обер-прокурора Священного синода, но там особая статья. Ведь за убийство извержение из сана полагается, не так ли?

– Да трофеев-то едва на триста рублей наскребли, Михаил Евграфович, – пожаловался старший лейтенант. – И то если не по казенным ценам, а у Макария продавать.

По военной поре обращения вроде «отцов» и «сынов моих» временно отменили, так что именование по отчеству батюшку не удивило. Даже немного льстило, когда дворянин из древнего рода держится на равных с сельским попом, имеющим происхождение из крестьян Нижегородской губернии. Впрочем, в Красной гвардии иными ротами бывшие крепостные командовали, а князья с графами вставали под знамена рядовыми и сержантами.

– Печально.

– Что именно? – Лопухин посмотрел на священника с интересом. Чем же он опечален?

– Видите ли, Иван Михайлович... – отец Михаил немного замялся, но быстро справился с собой. – В мои обязанности входит не только забота о православных душах, но и спасение заблудших, погрязших в грехах и невежестве.

– В каком смысле? Вы что, французов спасать собираетесь?

– Не тела – души!

– Извольте объясниться, Михаил Евграфович! – Начальник штаба построжел лицом. Вот только упертых фанатиков с горящими глазами и не хватает батальону для полного счастья!

– Изволю, – кивнул отец Михаил и махнул рукой куда-то вдаль. – Вот что вы видите, Иван Михайлович? Не нужно отвечать, я прекрасно знаю – вы видите охваченные жаждой стяжательства орды, двинувшиеся на нас по велению новоявленного Чингисхана. Алчность в глазах их, а души покинуты ангелами, уступившими место Мамоне. Необузданные страсти влекут французов в геенну огненную, и долг каждого верующего человека состоит в том, чтобы вернуть заблудших агнцев на путь истинный.

– Э-э-э... простите... теперь и убивать неприятеля нельзя?

– Разве я такое говорил? Помилуйте, Иван Михайлович, вы что-то неправильно поняли и сделали из моих слов ложные выводы. Вторгшегося неприятеля непременно нужно уничтожить, чему подтверждением служит поучение Святого Благоверного князя Александра Невского о пришедших с мечом и гибнущих от него. Нам ли спорить с авторитетом Церкви? Занятие это неблагодарное и противоречащее самому духу нашему.

– Совсем запутали высоким штилем, Михаил Евграфович.

– Могу и проще, – покладисто согласился священник. – Сытое брюхо к учению глухо. Не так ли?

– Допустим. Но что вы все вокруг да около? Военный человек, независимо от того, духовного он звания или нет, должен проявлять разумную инициативу, но никак не неразумную велеречивость. У вас есть конкретные предложения?

– Есть. Предлагаю немедленно выступить и напасть на ближайший обоз с провиантом, тем самым принудив врага к благочестию путем длительного поста.

– Тьфу, прости меня, Господи... Неужто нельзя без многоглаголения? Или «Памятку полковому священнику» наизусть цитируете?

– Как? Она же для служебного пользования?!

– Неважно. Но инициатива наказуема исполнением, Михаил Евграфович.

– Я согласен.

Лопухин с сомнением осмотрел батюшку. Согласен он... Хотя, ежели посмотреть с другой стороны, боевое крещение еще никому не повредило. Заодно и посмотрим, каков сей герой под неприятельскими пулями. Значит, решено...

– Возьмете под начало взвод из третьей роты.

– Слушаюсь!

– И это... рясу смените на что-нибудь удобное.

Глава 4

Фельдмаршал и светлейший князь Кенигсбергский Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов любил поспать. Он вообще много чего любил, но сон стоял на третьем месте после Родины и женского пола. Зачем отказывать себе в отдыхе, если выдалась свободная минутка? Собственно, можно и в несвободную вздремнуть, особенно на каком-нибудь военном совете, под монотонный бубнеж очередного генерала, беспомощно тыкающего в карту указкой в поиске вверенных оному докладчику частей. Беда прямо с этими генералами – в отставку отправить не за что, а доверить под начало больше роты никак не получается. Приходится идти на хитрость, придумывая звучные названия вроде «Отдельных отрядов специального назначения» или «Особых групп Высочайшего подчинения». Даст Господь, уж роту-то не угрожат в лесах, а опытные взводные командиры помогут нанести неприятелю хоть какой-то ущерб, пусть самый минимальный. Курочка по зернышку клюет, а весь двор в... хм...

Сегодня выспаться толком не получилось – командующего среди ночи разбудил пытавшийся пробраться в дом злой дух. Этот пакостник не первый день преследует фельдмаршала и успел изрядно надоест – то на аудиенцию напрашивается, то через вестовых пакеты с проектами передает. Сам росту маленького, с усами и бакенбардами, курносый, в морском мундире и звании капитан-лейтенанта. Надоел хуже горькой редьки, право слово. И без него забот полон рот.

Жалко, что адъютанта пришлось отпустить в действующую армию – в нынешние времена, сидючи в штабах, крестов да звезд не выслужишь. А человеку карьеру делать нужно, так как без участия в боях выше майора вряд ли поднимешься. Вот Сергей Викторович мигом бы отвалил наглеца от фельдмаршальской резиденции. А так... Хороший город Брест-Литовск, но очень маленький, никак не спрячешься от настырного духа.

– Разрешите, ваша светлость? – В руках у вошедшего вестового серебряный поднос со стопкой корреспонденции.

– Заходи, братец, клади на стол. – Михаил Илларионович проследил за пакетами и уточнил: – От этого ирода здесь точно ничего нет?

– Никак нет, ваша светлость, все проверили.

– Значит, еще будет, – тяжело вздохнул Кутузов. – По всем правилам военного искусства осаду ведет, мерзавец.

– А если его того... арестованию подвергнуть? – предложил сержант. – И к Карлу Ивановичу на строительство крепости отправить.

– За что?

– За самовольное оставление места службы.

– Не выйдет – Бугско-Висленская военная флотилия сей город местом базирования имеет, и всякий флотский офицер до объявления тревоги волен проводить свободное время где ему заблагорассудится.

– Тогда объявить тревогу, а потом на стройку.

– Оставив флотилию без капитан-командора? И откуда к тебе, братец, злонамеренные мысли являются? Чем карается подрыв обороноспособности державы, знаешь?

– Э-э-э... виноват, ваша светлость!

– Вот! Это ведь не баран чихнул! Ступай, сержант, не доводи до лиха. Да не пугайся, шучу я так.

Вестовой с превеликой радостью поспешил уйти, а Кутузов откинулся в любимом походном кресле, за последние несколько лет ставшем значительно просторнее, и задумался. Он вообще не одобрял задуманную государем Павлом Петровичем постройку крепости в Брест-Литовске, о чем не постеснялся сказать в глаза. Какой смысл возводить капитальные сооруже-

ния, если укрытые артиллерийские и ракетные позиции обойдутся гораздо дешевле? Тем более генерал Опперман хотя и человек исключительного ума и образованности, но силой мысли никак не закончить строительство до прихода Наполеона. И как ни крути, город придется сдать без сражения.

С эвакуацией населения успеть бы к сроку. На памятном апрельском совещании в Михайловском замке было принято решение отвести народ с предполагаемого маршрута французской армии, оставив на пути лишь пустующие города и села да зеленеющие поля. Последние все же засеяли – даже если гордые мусью и соберут какую-то часть урожая, то партизаны побеспокоятся о его дальнейшей судьбе.

Жителей царства Польского беспокоить не стали, но вовсе не из злокозненных побуждений, как может предположить проникшийся идеями Вольтера и Руссо недоброжелатель. А из соображений сохранения секретности. Там каждый второй является потенциальным бонапартовым шпионом, и это не считая тех, кто находится на постоянном денежном довольствии французского военного ведомства. Нам лишний хипеж нужен?

«Миша!» – Кутузов позвал вклинившегося в размышления Мишку Варзина. Только тот мог выражаться насквозь грубо и неприлично.

«Да тут я. Куда из твоей башки денусь, наша светлость?»

Вселенец их будущего обладал здоровым честолюбием и справедливо полагал, что полученный недавно титул Светлейшего принадлежит им обоим в равной степени.

«Миша, у тебя какие соображения?»

«По Денису? Дадим ему своей властью три эскадрона, да пусть с ними по лесам кочует».

«Ну какой же из Давыдова партизан? – не согласился Михаил Илларионович. – Он флотский человек, а не гусар, потому на Буге и Висле принесет больше пользы».

«Не скажи, – возразил Варзин. – Партизан из него первостатейный, проверенный временем. Я бы ему рекомендацию в партию дал не сомневаясь».

«Так это когда было?»

«В двенадцатом году, ну и что? Давай дадим юноше возможность прославиться на пять лет раньше, заодно и досаждать перестанет. А то, видите ли, злой дух! Соглашайся, товарищ фельдмаршал, верный экзорцизм получится!»

«И правда... Но под общую ответственность!»

«Это каким образом?»

«Государь найдет способ отделить агнцев от козлищ».

И уже в полный голос попросил явившегося на звон колокольчика адъютанта:

– Людвиг Стефанович, будьте любезны вызвать ко мне капитан-лейтенанта Давыдова.

– Будет исполнено, ваша светлость! – И сразу же в оставленную приоткрытой дверь: – Денис Васильевич, заходите!

Капитан-командор Бугско-Висленской военной флотилии с самого утра пребывал во власти черной, как раз под цвет мундира, меланхолии. Где-то там люди воюют, а он? Командование, видите ли, посчитало, что речные мониторы будут наилучшим применением талантов первого в российской истории командира боевого парохода. Или на самом деле решили забальзамировать на скромной должности для потомков? С чего бы это? И вообще вроде ничего героического пока не совершил... так, по мелочам.

А главнокомандующий не дает возможности для настоящего подвига. Неужели не понимает, что бронированные канонерки, формой напоминающие крышку гроба, являются речными кораблями и попасть на них во вражескую столицу никак не получится? А очень хочется. На белом коне... при орденах и Золотой шпаге... И Наполеона взять в плен хочется. В крайнем случае – его маршала. Любого. Лучше двух.

Но вот беда – Светлейший упорно не желает выслушивать прожекты Давыдова и несколько раз отказывал в аудиенции. На посланные через вестовых пакеты ответов нет и не предвидится, а фельдмаршальский адъютант за рюмкой хорошего коньяку сообщил, будто бы по распоряжению Кутузова те письма отправлены в печку. Каков ретроград, а? Не понимает Михаил Илларионович простой вещи: военная наука не стоит на месте и нельзя в просвещенном девятнадцатом веке подходить к ней категориями восемнадцатого. Так можно навеки в прошлом остаться, во времена Очакова и покорения Крыма.

Дважды безуспешно пробовал пробраться в резиденцию, дабы вынудить главнокомандующего к откровенному разговору. В первый раз переоделся монахом, но вызвал подозрение охраны безбородостью и торчащей под рясой рукояткой кортика. Не пустили. Вдругорядь разобрал черепицу на крыше особняка графов Вербжицких, где, собственно, и квартировал фельдмаршал, но заблудился в темноте и попал в спальню хозяйки дома и во избежание скандала вынужден был остаться до рассвета.

Только сегодня удача вроде бы улыбнулась – Людвиг Стефанович Геллер провел капитан-лейтенанта в приемную, клятвенно пообещав при первой же okazji пропустить в кабинет светлейшего. Пришлось замаскироваться, прикрывшись недельной давности газетой, и долго-долго ждать. Успел даже немного вздремнуть, пользуясь случаем. Но вот громкий голос фельдмаршальского адъютанта возвестил о свершившемся чуде:

– Денис Васильевич, заходите!

Давыдов подскочил с диванчика, довольно неудобного, надо заметить, и ринулся в кабинет. У самых дверей опомнился, расправил плечи, сбил с рукава несуществующую пылинку и решительно шагнул вперед:

– Ваша светлость, капитан-лейтенант Давыдов по...

– Что же вы так кричите, голубчик? – Михаил Илларионович перебил доклад и знаком попросил сесть в кресло напротив. – Неужели я не знаю своих титулов, а вы собственного звания? И что явились, тоже вижу. Вот лучше мне такую вещь скажите: а зачем явились?

– Желаю принести пользу Отечеству в роковые минуты вражеского нашествия!

– А кто же мешает? Пойдите и принесите.

Денис Васильевич смутился:

– Хотелось бы предложить прожект летучего отряда, действующего на неприятельских коммуникациях.

– Партизанить, значит, желаете?

– Так точно, ваша светлость.

– Вот о том и нужно говорить, а то развели турусы на колесах! Чай, не девку красивыми словами уламываете. Польза Отечеству – это хорошо, но в чем вы видите эту самую пользу, господин капитан-лейтенант?

– В скорейшем разбитии французской армии и последующем ее выдворении из пределов Российской империи.

– Молодец! – похвалил Кутузов. – А вот мы с государем как есть дурни и бестолочи, не могущие постигнуть всю глубину стратегической мысли капитан-лейтенанта Давыдова! Разрешите, молодой человек, склонить перед вами голову?

В противоположность своим словам главнокомандующий не стал кланяться. Наоборот, смотрел насмешливо единственным глазом, а черная повязка лишь подчеркивала глумливое выражение лица.

На самом деле Михаил Илларионович играл и в глубине души искренне сожалел о предстоящем погублении энтузиазма молодого офицера, но обстоятельства того требовали. Зря, что ли, столько сил потрачено на выманивание Наполеона из разгромленной им Австрии? Тонкая дипломатическая игра, несколько десятков пудов золота, засевшие в нужное время и в

нужном месте меткие стрелки... Да мало ли чего? А тут скорейшее разбитие предлагает, а? Ну куда такое годится?

– Простите, ваша светлость, но...

– Этих «но» несколько, Денис Васильевич, – опять перебил фельдмаршал. – И главным из них является то, что французскую армию вовсе не нужно выдворять из пределов. Убегут, и что потом? Лови их по всей Европе.

Давыдов не выдал разочарования, хотя хрустальный звон разбивающейся вдребезги мечты звучал в ушах и рвался наружу каким-нибудь резким словом. Напротив, он напустил на себя как можно большую почтительность – единственное средство младшего по званию выразить негодования действиями старшего.

Но, слава богу, все оказалось не столь печально, как виделось поначалу. Светлейший взял лежавшую на столе указку и обвел большой овал на разложенной карте.

– Будете иметь базирование в этом городе. Дам два эскадрона гусар специального назначения и казачью полусотню. Больше, увы, не могу, вы не один такой. Не делайте удивленное лицо, юноша, партизанская война известна со времен Батыева нашествия, и нелепо думать, что мы не воспользуемся сей проверенной веками тактикой. Вам понятно?

– Так точно, ваша светлость! – Во рту у Дениса Васильевича пересохло от нечаянной радости, и слова давались с трудом. – Но вот только...

– Что-то смущает?

– Янов находится в такой глуши, что французы вряд ли туда сунутся. Кругом леса и болота и... и все.

– Тем лучше. Или вы собираетесь всю кампанию просидеть в ожидании супостата, которого потребно встретить нерушимой стеной обороны стальной? Нет. Господин капитан-лейтенант, под вашу ответственность отдается дорога от Кобрина до Пинска.

– Так это же без малого триста верст! – непочтительно перебил воодушевленный открывшимися перспективами Денис Васильевич.

– Именно! – подтвердил Кутузов. – И если по этому пути к Наполеону проскочит хоть одна телега с провиантом, я буду лично ходатайствовать перед государем-императором об образовании Камчатской военной флотилии во главе с неким прытким пароходным офицером. Надеюсь, понятно изъясняюсь?

– Так точно! – выпалил Давыдов, в уме уже прикидывающий направления ударов.

– Да, и еще! – Строгий голос фельдмаршала сбил восторженность мыслей. – Будете держать связь с дивизией генерал-майора Тучкова и соотносить свои действия в соответствии с их планами. А то не хватало на одну телегу с двух сторон нападать – перестреляете ведь друг друга, энтузиасты.

Последние слова светлейший произнес со странным выражением, и было непонятно, одобряет ли он сей термин или высказывается уничижительно.

– Да, но где же искать Красную гвардию?

– Они вас сами найдут, не беспокойтесь. – Главнокомандующий достал из стола запечатанный конверт, вскрыл, исправил что-то, еще одну строчку дописал и протянул бумагу Давыдову: – Вот приказ, можете ознакомиться.

Четыре дня спустя. Где-то между Дрогичиным и Яновым

– Долго еще, Михаил Касьянович?

Вообще-то вопрос командира отряда предназначался не младшему лейтенанту Нечихаеву, а проводнику. Но тот изъяснялся на дичайшей смеси из польских, русских, малороссийских, нескольких немецких и прочих слов, видимо, сохранившихся с глубокой древности, и капитан-лейтенант его не понимал. Здесь в каждой веске свое наречие, причем местные жители

разговаривают друг с другом без каких-либо проблем, но постороннему человеку приходится трудно. А Нечихаев – или не человек, или не посторонний, но языковых проблем не испытывает и потому назначен в дополнение к командованию первым эскадром, ответственным за разговоры с хмурым и нелюдимым полешуком. Именно так называют себя жители здешних болотистых лесов, отказываясь признавать родство с литвинами, ляхами и расположенными чуть южнее волынцами.

– К вечеру будем, Денис Васильевич! – откликнулся юный гусар и добавил со странной для его лет рассудительностью: – Надо бы разведку выслать.

– Казаков? – Давыдов оглянулся на растянувшихся по дороге донцов. – А они в лесу как?

– В каком смысле?

– Ну здесь же не степь.

– Есть какая-то разница? Лес – это та же степь, только заросшая деревьями. – Нечихаев приподнялся на стременах и крикнул: – Урядник!

– Здесь, вашбродь! – откликнулся здоровенный казачина с роскошной черной бородой самого разбойничьего вида. И дал коню шенкелей, принуждая догнать едущих впереди офицеров. – Звали, Михаил Касьянович?

Было заметно, что прозвучавшее в голосе уважение отнюдь не наигранное, а идет от души. Интересно, что могло заставить пожилого, почти сорокалетнего, урядника так относиться к юному гусару? У самого на груди два креста да четыре медали, а тот едва ли шестнадцатый год разменял. Что в этом возрасте можно увидеть, кроме Суворовского училища? Только оттуда сержантами выходят, а не младшими лейтенантами. Загадка... Вроде не старые времена, когда в гвардию при рождении капрами записывали, сейчас, слава богу, такого нет. Или есть? Непонятно... И уже командир эскадрона, в котором половина подчиненных ему в отцы годится. Дело ясное, что дело темное.

– Абрам Соломонович, господин капитан-лейтенант предлагает произвести разведку окрестностей Янова и по возможности самого города.

– Город... – ухмыльнулся казак. – Таких городов в нашей станице десятка три поместится. А сходить можно, да.

Денис Васильевич кивнул, подтверждая приказ. Вообще, с самого отбытия из Брест-Литовска Нечихаев всячески подчеркивал перед гусарами и казаками старшинство командира отряда и необходимость строгого подчинения. Удивительно, но даже донская вольница с пониманием восприняла слова младшего лейтенанта и проблем не вызвала.

– Скажите, Михаил Касьянович, – Давыдов проследил за растворившимся в лесу дозором, – наш урядник не иудейского ли племени будет?

– С чего бы это?

– Имя какое-то странное.

– Ах вот вы о чем! Нет, он прирожденный казак, а на Дону почти все староверы, даже его сиятельство граф Платов-Хивинский. Так что немудрено там встретить не только Абрама Соломоновича, но и Моисей Саулович – нередкость.

– Но почему? – Давыдов все никак не мог понять что-то, по мнению гусарского офицера, простое и очевидное.

– По Ветхому Завету называют.

– Простите, но это же дикость и прошлый век!

– Так урядник Иванов из него как раз и будет. Как и мы с вами, Денис Васильевич. – Нечихаев склонился с седла, чтобы сорвать придорожную ромашку, и, меланхолично обрывая лепестки, добавил: – А ордена я бы вам посоветовал убрать подальше.

Капитан-лейтенанта захлестнуло возмущением. Как так, разве можно прятать кровью заработанные боевые награды? Чай, не девичьи шпильки – заслужил, так носи! Или завидует юнец? У самого завалящей медальки не видать, а советы дает!

– Зачем их убирать, позвольте поинтересоваться?

– Мишень, – невозмутимо ответил младший лейтенант и сорвал вторую ромашку. – Французы, может быть, в офицера не станут стрелять, надеясь взять в плен, а вот поляки могут.

– При чем здесь поляки?

– Они всегда при всем. Впрочем, воля ваша, и не буду настаивать. Как говорил однажды государь Павел Петрович – каждый с ума по-своему сходит.

– Вы знакомы с Его Императорским Величеством?

– Немного. Был несколько раз в Михайловском замке и потом... Ну да, когда он приезжал к нам в полк. Приемный отец еще шутил, будто император только ради меня и приезжает.

В голове у Дениса Давыдова что-то щелкнуло, и все сразу встало на свои места. Младший лейтенант Нечихаев – императорский бастард! Черт побери, хорошо это или плохо? С одной стороны, воевать с царским отпрыском бок о бок почетно, да и на виду будешь, что означает новые чины и награды, а с другой... Не приведи Господь, подстрелят французы юного гусара, кто окажется виноватым? Правильно – командир отряда. Но есть и третья сторона, если приглядеться внимательно. Точно, нужно побережь молодого человека и самому лезть во все опасные места, тем решая множество внезапно появившихся проблем.

– Но не пора ли нам устроить привал, Михаил Касьянович?

– А не рано?

– Но какой смысл подходить к городу ввечеру?

Нечихаев перекинулся парой слов с проводником и натянул поводья:

– Вы правы, Денис Васильевич. Давайте остановимся на обед, а заночуем уже в Юзефи-нах. А завтра к полудню как раз будем в Янове.

– И разведка к тому времени вернется! – Капитан-лейтенант соскочил с седла с несколько излишней поспешностью. Нет, господа, что ни говорите, а палуба гораздо надежнее и удобнее конской спины!

Глава 5

Едва рассвело, а отряд уже покачивался в седлах, направив путь в сторону близкого уже городка. Казаки и гусары отчаянно зевали, офицеры показывали пример бодрости духа, но и те и другие не отказались бы от возможности вздремнуть часика по четыре на каждый глаз. К ночевкам в лесу не привыкать, но местные болотные комары способны вывести из равновесия даже святого.

Но все же кровососы летающие – ничто против ползающей нечисти, встретившей партизан в Юзефинах. Именно наличие невообразимого числа клопов, вшей и блох в этой населенной преимущественно ляхами деревушке вынудило искать убежище под сенью сосновых лесов, отдавая предпочтение дыму костра перед сомнительным комфортом ночевки под крышей. Комары что? Комары укусили и полетели дальше, а если нацепляешь шестиногих квартирантов, то попробуй выведи их в сих диких местах.

Удивительно, близость ли Европы тому виной или таковы традиции бывлой Речи Посполитой, но не строят в бывшем Великом княжестве Литовском бань. На востоке, ближе к Орше и Смоленску, уже кое-где встречаются, но западные области не ведают полезной привычки к здоровому образу жизни. И если Нечихаев раньше сталкивался с подобными гримасами «цивилизации», то Давыдову здешние обычаи показались забавными и диковинными. И очень опасными, разумеется.

Разведка вернулась, едва отряд снялся с бивака и выбрался на дорогу. Урядник плеткой попотчевал своего норовистого жеребца, понуждая пойти вровень с сонной и смирной командирской кобылой, и доложил обстановку. Но, глядя прямо на Дениса Васильевича, Иванов постоянно скашивал глаза на Михаила Касьяновича, именно от него ожидая поддержки и одобрения.

– Непокойно в городе, вашбродь! Со всей округи паны съехались к костелу, как бы приступом брать не пришлось. Тама стена высоченная!

– Точно не на богомолье? А что за костел?

– Обычный латынский, румско-папистской веры, – поморщился казак. – На том месте когда-то ихнего святого запорожцы порубили, и считается, будто благодать там до сих пор обретается.

– Как бы при штурме еще великомучеников не наплодить, – покачал головой капитан-лейтенант. – В вопросах веры я, честно признаться, полный профан.

– Да, – согласился Нечихаев, – тут нужна осторожность. Что там еще, Абрам Соломоныч?

– Вооружены они, вашбродь. Что все при саблях, то и котенку понятно, но и ружья есть, и пистолы. У ворот пушку поставили – так себе пушчонка, но вдруг пушкары умелые найдутся? Знающий человек даже из сапога выстрелить сможет.

– Плохо! – Нечихаев окончательно завладел инициативой разговора, чему Давыдов не препятствовал. – Это открытый мятеж.

– Брать будем, вашбродь? – с надеждой спросил урядник и со странным выражением лица погладил седельные сумки. – Только надо еще по одному заводному коню найти.

– Зачем?

– Ну как же? Помните, какой конфуз о прошлом годе в Бухаре приключился? Вот ведь срам вышел – трофеи на ишаках увозили.

– Погубит тебя, Абрам Соломонович, дуванолюбие ³, – хмыкнул Нечихаев.

Урядник нисколько не смутился:

³ Дуван (от тюрк. divan – собрание, совет) – у казаков – военная добыча. С момента зарождения казачества походы «за зипунами» и «ясырем» являлись одним из главных источников существования казачьих сообществ.

– Оно того погубит, кто государеву долю отдавать забывает. У нас все честно!

– Да я же не спорю!

Снедаемый любопытством, Давыдов поспешил вмешаться:

– А что там в Бухаре приключилось, Абрам Соломонович?

Казак картинно приосанился и широко улыбнулся:

– Было дело, да... Наша сотня тогда к самому эмирскому гарему прорубилась... – Взгляд урядника приобрел мечтательность, мгновенно сменившейся жесткостью. – Ну нас там и зажали крепко. Эти, как их... сераскиры. Нет, сардукары... или мамелюки? Тьфу, прости хосподи!

– А дальше? – чрезвычайно заинтересовавшийся прошлогодними событиями капитан-лейтенант попросил: – Продолжайте.

– Да потом и не случилось ничего такого, – пожал плечами казак. – Пришел Михаил Касьянович с эскадроном, супостата гранатами забросал, пострелял немного, вот мы в живых-то и остались. Ну и оборону вместе держали четверо суток – первый-то штурм немного неудачным оказался.

«А младший лейтенант открывается с неожиданной стороны!» – подумал Денис Васильевич и обратился к Нечихаеву:

– И вас не наградили за сей подвиг, Михаил Касьянович?

– Да разве это подвиг? – отмахнулся командир эскадрона. – Но вообще за ту кампанию отметили, да...

– Их благородие получили брильянты к «Владимиру», «Красное Знамя», и «Георгия» третьей степени, – похвалился Иванов. – А Знамя второе уже.

Удивлению Давыдова не было предела. Это получается, что у юного гусара боевой опыт как бы не больше, чем у него самого? Ведь с орденами сейчас настолько строго и за выслугу лет не дают. И о какой выслуге в столь молодом возрасте может идти речь?

– И вы их не носите, Михаил Касьянович?

– Зачем изображать мишень, Денис Васильевич? Да и перед кем в лесу красоваться?

Вечер того же дня

Засветло въезжать в городок не стали, дабы избежать потерь среди мирного населения. Никто же не виноват, что паны решились на мятеж? Нет, не виноват. Но при штурме костела пули не будут разбираться в степени вины попавшегося на мушку человека. Они вообще дуры, эти пули. Штык, правда, нисколько не умнее, но к тому приложены опытные руки, умеющие отличить бунтовщика от простого обывателя. Ножи – еще лучше.

– Тепленькими возьмем, – убеждал урядник Давыдова и Нечихаева. – Мои казаки сызмальства научены в темноте дозоры снимать. Весь свет обойди, но лучше не найдешь.

– Абрам Соломонович, – младший лейтенант как раз закончил присоединять ночезрительную трубу к винтовке. – ты меня хочешь обмануть или себя?

Иванов смутился и принялся ковырять землю носком сапога:

– Так вы, гусары, тому особливо учены, а у нас природное.

– Ну вот и полюбуется природой, пока мы поработаем.

Урядник тоскливо вздохнул, так как идущим первыми полагалась двойная доля. Но спорить не стал. Понимал прекрасно, что подготовка в гусарском полку наголову превосходит таковую у донцов. А вот не попросить ли Михаила Касьяновича после войны приехать в станицу учителем? И девку ему там справную найти можно...

Отряд встал на берегу крохотной речки со странным для этих мест названием – Саратовка и готовился к выходу. Точнее, готовился один эскадрон, так как Нечихаев решил, что многолюдство лишь повредит делу. Капитан-лейтенант сначала попытался возглавить уходя-

щих гусар, но внял доводам рассудка, высказанным эмоционально, но предельно вежливо младшим лейтенантом, и остался руководить подкреплением...

– Ударите по сигналу красной ракеты, Денис Васильевич, и никоим образом не раньше. Ежели что-то сорвется и услышите стрельбу, то все равно не вмешивайтесь раньше времени. Уж постарайтесь, пожалуйста, а? – Под требовательным взглядом младшего лейтенанта Давыдов вынужден был дать честное слово, чем немало порадовал Мишку. – Да не переживайте так, и на ваш век подвигов хватит!

Вот это высказался! Прямо-таки умудренный жизнью и опытом старый генерал. Точно носить Нечихаеву широкие лампасы годам к двадцати пяти! Какие они у гусар, вроде бы голубые?

– С богом, Михаил Касьянович!

Тот улыбнулся в ответ, не сказав ни слова, и ушел к построившемуся эскадрону. А через минуту все беззвучно растворилось в темноте, будто и не было здесь никого.

«Эх, живут же люди! – позавидовал капитан-лейтенант. – Войну работой называют... Невозможные и бесстрашные...»

На самом деле Мишка находился в состоянии, близком к панике. Как ни крути, а нынешнее назначение заместителем командира отдельного партизанского отряда по сути своей будет первым самостоятельным опытом. Раньше всегда за спиной стояли прошедшие огни и воды старшие товарищи, готовые в любой момент поддержать, прийти на помощь и указать на ошибки, сейчас же нет никого. Даже командира второго эскадрона не дали, сказав, будто их с Давыдовым и так ровно вдвое больше, чем нужно.

Ага, в два раза больше... Почему же тогда Кутузов особо указывал на морское звание Дениса Васильевича? Нет, понятно, что капитан-лейтенант – человек знающий и храбрый, но ведь он водоплавающий! Каким местом думал главнокомандующий, направляя сюда Давыдова? Ему бы на мостик линейного корабля, подзорную трубу в руки и попутный ветер в... хм... Да, неисповедимы пути фельдмаршальские!

Нечихаев последними словами мысленно костерил светлейшего, тем самым загоняя вглубь рвущуюся наружу боязнь. Это пройдет, как проходило всегда, стоит только услышать первый выстрел или увидеть неприятеля, но как же предательски подрагивают сжавшиеся на винтовочном ремне пальцы, и нижнюю губу пришлось прикусить сильно-сильно... Так бывает перед парашютным прыжком с воздушного шара – томительное и страшное ожидание, потом краткий миг поднимающего дыбом волосы ужаса. И далее – непередаваемое ощущение свободного полета. А щелчок выбрасывающих купол пружин – знак к спокойной и сосредоточенной работе.

И сейчас пошла работа – эскадрон разделен на пятерки, и первые три вырвались вперед, оберегая командира от возможной опасности. Вот каналы, неужели думают, будто их маленькая хитрость останется незамеченной в темноте? Как с ребенком, ей-богу! А может, так оно и есть? Ведь почти половина гусар служила в полку еще в те времена, когда он именовался Ахтырским, и многие помнят босоногого мальчишку, в одну ночь потерявшего мать и отца. Сестра Дашка до сих пор помнит вкус каши из солдатского котелка и впервые ею испытанное чувство сытости.

– Ваше благородие, – ушедший вперед сержант Рыбкин появился перед Мишкой неожиданно. – Паны там знамя над воротами вешают, кажись, турецкое.

– С чего взял?

– Так красное же! Они там факелами подсвечивают, чтоб сподручнее было, ну мы и разглядели.

– Наше тоже красное. – Государственный флаг алого цвета с вышитым в центре полотнища золотым двуглавым орлом был принят четыре года назад как символ преемственности

от стягов Дмитрия Донского, и Нечихаев знал, что издалека его можно спутать с османским. – Ты и полумесяц видел?

– Есть он там, точно! – убежденно доказывал Рыбкин. – Туркам продались, собаки бешеные! Разрешите ручными ракетами залпировать?

Сержант в былые времена участвовал в замирении Польши при одном из восстаний и твердо знал: лях и черт – это родные братья и, чтобы навредить православному человеку, способны продаться даже китайскому богдыхану. А после залпа... Есть лях – есть проблема, нет ляха – нет проблемы.

– Подожди с ракетами, Федор Степаныч! – Младший лейтенант снял с плеча винтовку и заглянул в прицел: – А ведь точно!

Несколько разряженных павлинами шляхтичей не погнушались холопским занятием. Или водружение знамени на собственных воротах приравнивается к тому же самому водружению, но на вражеской крепости? Даже лестницу принесли – четверо держат, а один лезет наверх, цепляясь за ступеньки громадной саблей в богатых ножнах. Закрепленный на столбе факел нещадно коптит и света почти не дает, поэтому забравшийся на верхотуру пан что-то кричит и машет рукой.

– Вот этих и повяжем, – решил Мишка. – Степаныч, но только живьем. Договорились?

– Да зачем нам пленные, ваше благородие? Они же по-нашему ни бельмеса. Как допрашивать будем?

– На французском или латыни.

– Да? – удивился сержант.

– Проводника перевести попросим.

– А-а-а... тогда ладно.

– Погоди-ка, Степаныч, – остановил командир собравшегося уходить гусара. – Что-то мне такое привиделось... Сам посмотри.

– Чего там? – Рыбкин взял протянутую Мишкой винтовку и заглянул в прицел: – Мать честная!

Залезший на арку ворот шляхтич как раз в этот момент не удержал древко, оно полетело вниз, а красное полотнище, зацепившись за что-то, развернулось. В неверном и колеблющемся свете факела показалось, будто открывшийся взгляду золотой орел кивает обеими головами и угрожающе размахивает зажатой в когтистой лапе скипетром – мол, вот я вам ужо, недотымки!

– Ваше благородие, быть того не может!

– Есть многое на свете, друг Степаныч, что и не снилось нашим мудрецам, – ответил Нечихаев и забрал у сержанта винтовку. – А ты говоришь – ракетами их, ракетами... Пойдем, поговорим с народом?

– Ага, – согласился Рыбкин и достал из кармана картонный цилиндр с болтающимся шнурком. – Капитан-лейтенанту сигнал подавать будем?

– Степа-а-а-ныч, – укоризненно протянул Мишка. – Я тебя не узнаю – это же сигнал к общей атаке.

– Ну да, – сержант изображал полное недоумение. – Так ведь ляхи же! Как иначе-то?

– Здесь не те ляхи. Здесь правильные.

– Разве такие бывают, ваше благородие?

– Вот сам сейчас и увидишь.

Появление вооруженных до зубов гусар вызвало у ворот костела немую сцену. Четверо, державшие до того лестницу, застыли в молчании минуты на полторы, замороженно глядя на направленные в лицо винтовки, а потом очнулись и храбро схватились за сабли. Результатом сего необдуманного действия стало падение с высоты пятого пана, удачно сбившего с ног приготовившихся защищаться товарищей.

– Право слово, господа, не стоит так волноваться! – Мишка сделал шаг вперед и представился: – Заместитель командира отдельного партизанского отряда Российской Императорской армии младший лейтенант Нечихаев. Честь имею!

– Езус Мария, это же свои! – на чистом русском языке воскликнул несколько не пострадавший при падении поляк. – Панове, наши пришли!

На стоящего рядом с командиром сержанта Рыбкина было больно смотреть. Василия Степановича раздирали внутренние противоречия, так наглядно отражавшиеся на его лице, что возникали серьезные опасения за душевное здоровье заслуженного гусара. Ляхи называют его своим! Нет, воистину мир переворачивается с ног на голову и катится в тартарары...

– Сигизмунд Пшемоцкий герба Радом, – в свою очередь представился поднявшийся с земли поляк. – Являюсь предводителем шляхетского ополчения Пинского повета. Ах, простите, уже Кобринского уезда. Но что же мы стоим, господа? Панове, вина нашим собратьям по оружию! Всем вина! Много вина!

Господа офицеры изволили гулять. В меру, разумеется, так как реалии военного времени не позволили полностью отдаться разгулу устроенного паном Пшемоцким праздника. Собственно, из офицеров присутствовали только Денис Давыдов и Михаил Нечихаев, а урядник Иванов был воспринят таковым из-за обилия наград на груди и приглашен к накрытому в костеле столу. Восседавший во главе католический священник порой вздрагивал, встречаясь взглядом с казаком, – видимо, не хотел воссиять новым святым мучеником подобно зарубленному как раз на этом месте Андрею Боболе. Двести пятьдесят лет назад дело было, но ведь помнят же!

Младший лейтенант пропускал многочисленные тосты, сопровождая их вежливой улыбкой, объяснял непонятную трезвость юным возрастом и старыми ранами, не позволяющими воздать должное гостеприимному великолепию. Абрам Соломонович же употреблял много, но без последствий. Разве можно пронять слабенькой водичкой привыкшего к водке человека? Она тоже присутствовала, но все поползновения урядника протянуть руку к запотевшему штофу пресекались энергичным командирским пинком под столом.

– Позвольте спросить о ваших намерениях, пан Сигизмунд? – Давыдов сделал глоток кислого, как улыбка старой девы, вина и отставил бокал в сторону. – Нам нужно как-то согласовать совместные действия во избежание могущих произойти недоразумений.

– Конечно же, бить француза, пся крев! – Пшемоцкий треснул кулаком по столешнице, отчего воинственно звякнула посуда, и продолжил: – Мы не позволим всяким там проходимцам безнаказанно топтать нашу землю, холера им в бок!

– Не стоит ругаться в святом храме, сын мой, – укоризненно произнес ксендз. – Господь накажет.

– Господь отпустит грехи благочестивому воинству, отец Станислав, – возразил пан Сигизмунд. – Ergo bibamus!

Предводитель ополчения лихо опрокинул далеко не первый бокал и рукавом вытер свисающие чуть ли не до груди усы.

– И все равно прошу не ругаться, – настаивал священник.

– Скучный вы. – Пшемоцкий прислушался к веселым крикам с улицы, где происходила совместная польско-русско-казацкая пирушка. – Живите проще, святой отец, и люди к вам потянутся.

Повисла неловкая пауза, которую поспешил заполнить Денис Давыдов:

– И как предполагается организовать борьбу с неприятелем?

– Исключительно хорошо предполагается! Сначала из пушки – бабах! Потом саблями в куски! А в убегающих из ружей – пам, пам, пам... Да мы огра... простите, лишим Наполеона всех обозов! Вы не против, господин капитан-лейтенант?

– Ни в коем разе! – заверил Денис Васильевич. – Нас, собственно, сюда послали с похожими намерениями.

– Да? – Судя по вытянувшейся физиономии шляхтича, новость его сильно огорчила. – Но мы рассчитывали на добычу... в смысле, на активное участие в боевых действиях.

Разочарование явственно читалось на лице пана Сигизмунда, видимо, собиравшегося поправить на войне изрядно пошатнувшиеся денежные дела. Если присмотреться, то сия запущенность проявлялась во всем – пышная и когда-то яркая одежда носила следы умелой починки, сапоги давно нуждались даже не в услугах сапожника, а в препровождении на свалку, и лишь фамильная карабелка выглядела прилично. Единственное достояние бедного, но по своей гордости никогда не признающего в той бедноте шляхтича.

– В боевых действиях? – Денис Васильевич сделал вид, что задумался. – Вы знаете, пан Сигизмунд... Его Императорское Величество Павел Петрович не желает видеть потери среди мирного населения.

– Да мы не посраим! – воспрянул уловивший интонацию Пшемоцкий. – Верноподданические чувства лучших представителей Янова и окрестностей требуют...

– Сначала дослушайте, прошу вас, – улыбнулся капитан-лейтенант. – Но государь не будет возражать, если какие-нибудь патриоты помешают французам вывозить из России награбленное.

– Только из России? – Предводитель ополчения моментально приобрел деловитость. – А из других мест?

– Да, верное уточнение. Неважно откуда, но помешать обязательно.

Пшемоцкий потянулся к бутылке, но передумал и вернулся к разговору на многообещающую тему:

– Если я правильно понял, панове, то вы ловите обозы, идущие туда, а мне достаются те, что оттуда?

– Абсолютно правильно, пан Сигизмунд.

Молчавший после спора с предводителем ксендз кивнул:

– Честное разделение обязанностей угодно Господу.

– Еще ему угодна государева доля в размере четвертой части от спасенного, – вмешался Нечихаев.

– Да? – удивился святой отец. – А почему так много?

– Свод законов Российской империи, статья «О производительной и непроизводительной деятельности», параграф третий, пункт двенадцатый.

– Солидное обоснование, – согласился священник. – А нет ли каких послаблений?

– Есть, но они вряд ли вам подойдут.

– Это почему?

– Льготы распространяются лишь на подданных того вероисповедания, чьи высшие иерархи находятся на территории империи. Тогда да, всего десятину отдавать нужно.

– Плохо... А Его Императорское Величество не имеет видов на Ватикан?

Мишка развел руками, показывая, что не знает о планах Павла Петровича. И уточнил, дабы избежать дальнейших вопросов:

– Второй Всероссийский съезд мусульманских народов избрал Верховного муфтия, имеющего резиденцию в Казани, так что...

Сигизмунд Пшемоцкий с грохотом положил на стол перед собой саблю и заглянул в глаза ксендзу:

– А это шанс. Отец Станислав, вы же не хотите, чтобы мои дети умерли с голоду?

– А-а-а...

– Господь требует от вас подвига!

Глава 6

20 августа 1807 года. Смоленск, Ставка главнокомандующего

Светлейший князь Кутузов рвал и метал. Его единственный зрячий глаз буквально сверлил собравшихся в кабинете генералов, и казалось, вот-вот начнет прожигать в них дыры. Сквозные, разумеется, для удобства подвешивания и дальнейшей просушки на солнышке. Не было такой кары, которую не пообещал бы обрушить на головы виновных разгневанный фельд-маршал.

– Куда это годится, господа? – вопрошал Михаил Илларионович, потрясая зажатым в руке обрывком карты. – Черт знает что творится! Составляем, составляем планы, и каков результат? Нас государь живьем съест – половину на завтрак и половину на ужин!

– Но можно ведь объяснить ситуацию Его Императорскому Величеству, – кто-то самый смелый решился подать голос. – Павел Петрович поймет, что обстоятельства не позволили нам...

– Прекратите, Адам Францевич, – оборвал главнокомандующий и бросил обрывок на стол. – Где должен быть Наполеон по плану и почему он совсем в другом месте? Кто мне ответит, господа?

– Это Тучков виноват, – наябедничал дородный румяный генерал-майор из квартирмейстерской службы. – Его дивизии поручено... Да, поручено, но он не исполнил!

– А вы все чистенькие, аки ангелы горние? – Кутузов пристально посмотрел на ябедника, отчего тот покрылся холодным потом. – Александр Андреевич молод и неопытен, но ожидать такого от генералов, прошедших Шипку и осаду Плевны...

«Наша светлость, – раздался в голове голос Варзина. – До Шипки и Плевны еще семьдесят лет. Я же рассказывал».

«Ох, перепутал!»

«Ладно про Сталинград не сказал».

«Ты?»

«Нет, ты!»

«Плохо обо мне думаете, товарищ гвардии рядовой».

Сделав секундную паузу, Михаил Илларионович ничтоже сумняшеся продолжил:

– Впрочем, о намерениях Его Императорского Величества в отношении Оттоманской Порты и ваших будущих беспримерных подвигах, господа генералы, мы поговорим позже. А сейчас скажите: что нам делать с Бонапартом?

Господа генералы молчали, не желая брать на себя ответственность. Вот если бы фельд-маршал спрашивал про наступление, тогда да... тогда есть что предложить. Но отступление, сиречь ретираду, не одобрял сам Александр Васильевич Суворов! А в незнакомой тактике поневоле наделаешь ошибок. Да что там, уже наделали! А Тучков хорош гусь – натворил делов, а в Ставке не показывается, отписываясь с курьерами филькиными грамотами. За него еще отдуваться приходится.

– Не хотите отвечать? И не нужно! – Главнокомандующий заложил руки за спину и прошелся по губернаторскому кабинету, выбранному за приятственный вид из окна и удобный сектор обстрела при непредвиденных обстоятельствах. – Но, господа, прошу учесть, что государь недвусмысленно дал понять о недопустимости срыва планов кампании. Или надеетесь на близкую осень?

– Да не сбежит Наполеон обратно, ваша светлость, – высказался полковник Ермолов, единственный, кто присутствовал здесь не для получения выволочки.

Он приехал для пополнения огнеприпаса в смоленских армейских магазинах и в кабинет командующего пришел за подписью на требовании в интендантство. Некоторые новые виды вооружения состояли в резерве Ставки и без визы Кутузова не выдавались.

– Ерунду говорите, Алексей Петрович, сущую ерунду, – отмахнулся фельдмаршал. – Бонапарт должен давно у Красного быть, а эти... эти... А они его даже в Бобруйск не пустили! Тьфу, прости хоссподи! Что будем делать, ежели обратно повернет? То-то и оно... Раньше весны побеждать не сметь! Все поняли?

Ответом опять молчание, и нервы у Михаила Илларионовича сдали. Махнул рукой, выпроваживая генералов за дверь, остановил собравшегося уйти вместе со всеми Ермолова и устало упал в кресло.

– Тяжело, ваша светлость? – с участием спросил полковник.

– Не то слово, Алексей Петрович. Дай им волю, так за неделю от французов мокрого места не оставят. А так нельзя... рано еще.

– Почему? – не понял Ермолов. – Почему нельзя закончить войну единственным сражением, когда к нему имеются все предпосылки?

– Мы не можем перейти в наступление и увести армию из страны до тех пор, пока не будут закончены новые укрепления в Балтийских проливах. Оголить столицу? Черта с два, нам хватило уже боев в Санкт-Петербурге.

– Но море скоро замерзнет.

– А дальнобойную артиллерию установят в фортах лишь к марту. Алексей Петрович, голубчик, минометов я вам не дам.

Полковник, командовавший арьергардом изображавшей отступление русской армии, тяжело вздохнул:

– Ну хоть что-нибудь дадите?

– Коньяку могу предложить.

– Трофейного?

– Господь с вами, откуда сейчас у французов коньяк? Его небось ваш старый знакомец Денис Давыдов выпил.

– Он разве в партизанах?

– Ну где же еще быть столь приткому молодому человеку? Так коньяк доставать?

– Пожалуй, не откажусь.

– Это правильно, – одобрил фельдмаршал. – Между прочим, в Армении его начали делать в те поры, когда предки галлов еще бегали в шкурах и с каменными топорами.

– Зачем?

– За мамонтами.

– Нет, зачем с каменными топорами?

– Дикари-с, Алексей Петрович, – развел руками светлейший. – Не желаете с лимончиком? Князя Беякова-Трубецкого подарок – в Нижегородской губернии сей фрукт прямо на окошках растут.

– Можно. И рекомендую дольку между ломтиками сыра положить.

– Да вы гурман!

– Куда уж мне. Обычная экономия – обильная закуска крепость крадет. Вот и ищем компромиссы.

***В это же самое время. Деревня Тулятичи
Кобринского уезда Гродненской губернии***

- Что, краев не видишь?
- Разве его полными стаканами пьют, Федор Иванович?
- Будешь меня учить? Эх, Денис, морская душа, ничего ты не понимаешь в таинстве красногвардейского питья. Ваня, друг мой, забери у Давыдова бутылку.
- Сей момент! – Слегка подвыпивший старший лейтенант Лопухин изобразил шутовской поклон, но выполнять просьбу не спешил. – А благородному идальго дону Теодору не трудно самому протянуть руку за новым сосудом с сей благодатной влагой?
- Прибью, – пообещал капитан Толстой.
- Не прибьешь, тебе вставать лень.
- Тогда завтра.
- Завтра нельзя, у нас по плану разгром фуражиров в Завершье.
- Значит, потом. Запиши, а то забуду.
- Угу, – коротко кивнул начальник штаба и сверился с записной книжкой. – Это пятьдесят восьмое обещание.
- Весело живете, господа, – с легкой завистью произнес капитан-лейтенант Давыдов и рухнул лицом в заранее расстеленное опытными красногвардейцами сено.
- Слабоват морячок оказался, – прокомментировал Федор Толстой. – А вот когда мы Мишку пить научим?
- Никогда! – младший лейтенант Нечихаев, расположившийся у стога с крынкой парного молока и теплым ржаным караваем, аккуратно промокнул губы платочком. – Как полковничьи эполеты получу, так обмоем, но не раньше.

Отряд Дениса Давыдова, сопровождаемый шляхетским ополчением Сигизмунда Пшемощкого, встретился с батальоном капитана Толстого близ Дрогичина, куда красногвардейцы передислоцировались из царства Польского. Там стало слишком тесно для широкой души Федора Ивановича, да еще стал досаждать недавно сформированный корпус предателя Понятовского... Пришлось уходить с боями, благо имелась веская причина – французы начали сбор урожая на брошенных полях, и помешать им в этом архиважно и архинужно.

Встретились и после короткого марша заняли давно облюбованную Нечихаевым деревушку в самой глуши лесных болот. Кругом топи, а крохотная веска из пяти домов забралась на редкий в сих местах бугорок, жителями почтительно именуемый горой, и знать не знает про великое иноземное вторжение. Складывалось впечатление, что о многолетнем вхождении в состав Российской империи хитрые полешуки только догадывались, высовывая нос лишь на ближайшие ярмарки за солью и железным инвентарем. Может, и знали... Кому они вообще нужны?

Сегодня день отдыха и праздника – красногвардейцы на прошлой неделе перехватили направлявшийся к Наполеону под Бобруйск груз с вином, но никак не выпадало okazji распробовать трофей. А тут такой случай подвернулся, грех не отметить! Тем более шляхетское ополчение везло с собой спасенные из французского плена свиные туши. Поначалу их предполагалось частью засолить, а частью пустить на колбасы, заодно расплатившись мясом за постой, но судьба распорядилась иначе. Дымят костры, шипит над углями насаженная на сабли свинина... И звон бутылок, перемежающийся русской и польской речью.

Кстати сказать, примкнувших к партизанскому отряду шляхтичей сейчас вряд ли бы узнали даже близкие родственники. Округлились лица, исчез голодный блеск в глазах, более приличествующий забитому европейскому крестьянину, чем потомственному дворя-

нину древнего рода, весело зазвенело в кошельках золото и серебро как петербургской, так и парижской чеканки, и добротности одежды смогли бы позавидовать многие поколения благородных предков. И если бы не одно печальное обстоятельство...

Но встретившихся давних знакомцев мало волновали печaliaщие храбрых панов обстоятельства. Толстой и Лопухин помнили Мишку Нечихаева, тогда еще совсем мальчишку, по совместной диверсии в эскадре покойного адмирала Нельсона, а капитан-лейтенант Денис Давыдов был знаком красногвардейцам по Персидскому походу. Славные времена не менее славных побед!

– Ладно, Миша, насильное приобщение к питию – суть грех большой и неотмолимый! – Федор Иванович воздел вверх указательный палец в подтверждение своих слов. – Но избиение вражеских фуражиров есть дело благостное и патриотическое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.